

Екатерина Лесина
Счастливым доллар
Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=594815
Счастливым доллар: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-47600-8

Аннотация

Клайд Барроу хотел быть свободным. Бонни Паркер писала стихи. Вместе легендарные американские бандиты грабили магазинчики и заправки, с удивительной ловкостью уходя от погонь. А когда иссякла удача, даруемая счастливым долларом, оба погибли. Это произошло в прошлом веке... В наши дни частный детектив Семен Семенов вынужден бежать с места преступления, которое он не совершал. Бывшая любовница Варенька ранила его, предварительно подбросив труп своего мужа к нему в машину. Семену трудно понять, что стало предметом раздора супругов. Неужели счастливая монета, постоянно мелькавшая в руках Вареньки и приносившая ей неслыханную удачу?..

Содержание

* * *	4
Бонни и Клайд	13
Интерлюдия 1	17
Бонни и Клайд	26
Интерлюдия 2	29
Бонни и Клайд	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Екатерина Лесина Счастливый доллар

* * *

«31 декабря 1927!

Дорогой дневничок.

Я думаю, с чего бы начать записи в этом новом году, а в голову идет только мой сбежавший безмозглый муж. Мы снова разошлись, и это уже в третий раз. Первый был в августе, а второй в октябре, на целых две недели! А сейчас Рой меня оставил 5 декабря и до сих пор не появился. Я очень его люблю и ужасно скучаю, но с меня хватит! Я устала от бесконечных ссор и его исчезновений, устала от тайн, от которых за милую душу несет дешевыми иллюзиями. Устала от одиночества и слез. Мне кажется, что это бесконечный бег по кругу. Все мои знакомые твердят, что я должна сохранить семью, и мама говорит о том же, только Роза Мэри Джуди хоть как-то меня понимает. Мы с ней решили встречать этот Новый год вместе. И пусть все мужчины проваливаются к чертям!»

«1 января 1928 года.

Новогодняя ночь. В 12.00 отзвонили колокола, старый год ушел, и мое сердце ушло с ним. В прошлом году я была самой счастливой и самой несчастной из женщин. Пусть же старый год заберет мое прошлое с собой.

Я говорю о своих воспоминаниях и о том, что не могу выбросить Роя из головы. Я ведь, несмотря ни на что, ждала его или хотя бы весточку, чтобы знать, что он помнит и тоже скучает по мне. Но нет. Ничего. Я чувствую, что он ушел навсегда.

Это – День Нового года, 1 января. Я, решив веселиться, отправилась в кино. Шел какой-то вестерн с Кеном Мэйнардом, но я целиком погрузилась в свои мысли и ничего не поняла.

Этим вечером я напьюсь, и пусть все мои печали утонут в бутылке.

Рой, я тебя ненавижу!»

«2 января 1928 года.

Встретила сегодня Розу Мэри, и мы пошли в кино. Видели Рональда Коулмана и Вилму Бэнки в «Ночи любви». Наверное, это было хорошее кино, но, вернувшись домой, я вдруг четко поняла, насколько одинока.

И тогда я загадала желание, о котором расскажу лишь тебе, мой дневничок. Пусть когда-нибудь я встречу такую любовь, которая уведет меня на край света и останется со мной до конца моих дней.

И пусть будет как в сказке, когда пишут, что «они умерли в один день...».

Это глупое желание, но мне очень хочется, чтобы оно исполнилось.

Я ведь была хорошей девочкой.

Твоя Бонни Паркер»

– Извините, вы не могли бы мне помочь спрятать труп? – вежливо спросил он. И черный ствол пистолета, упершийся прямо в лоб Агнешке, стал лучшим из аргументов.

– Конечно, – ответила она, поднимая руки. Запоздало подумалось, что прав был Булгаков: не стоит заговаривать с незнакомцами.

И уж точно не стоило останавливаться ночью на проселочной дороге, потому как некто – ох, Агнешка, ты всегда была слишком жалостливой – отчаянно машет руками. Помочь захотела? Поможешь.

Вторая мысль была под стать первой: если взять и быстренько открыть дверцу, то она ударит незнакомца по руке с пистолетом, и тогда...

– Пожалуйста, – он сделал шаг назад, но пистолет по-прежнему внимательно наблюдал за Агнешкой. – Вы уж извините, мне, право слово, неловко, но...

Она кулем вывалилась из машины. Перед глазами мелькнула жизнь, от горшка – красивый был, розовый и с цветочками, – который она никак не могла поделить с Ядкой, до сегодняшней ссоры. Делили, правда, уже не горшок, но маменькину квартиру... теперь-то точно все Ядке останется, потому как Агнешку убьют.

– Туда.

Пистолет качнулся в сторону темного лесочка.

Вот. Там и яма. Или болото, в которое Ага ляжет молодой и красивой. Ну, не очень, чтобы красивой – растрепанная, зареванная и в старых джинсах с заплатой на попе.

Она шлепала по влажной траве, а незнакомец – урод очкастый, чтоб ему пусто было – шел следом. Близко так. Агнешка чувствовала запах его туалетной воды и сигарет с ментолом – Ядка тоже такие курит.

А вокруг стрекотали сверчки и рокотали жабы. Мокрая трава доходила до колен, а низенькие осинки норовили шлепнуть по лицу веткой. Осинник становился гуще, деревья выше, и когда Ага уже решила, что конца и края лесу не будет, он закончился. Впереди лежало озеро. Черное и круглое. Ни дать ни взять – чашка черного кофе, в котором куском оплавленного сахара тонула луна. У самого берега, увязнув задними колесами в песке, стояла машина.

– В багажнике, – подсказал очкастый, поправляя очки – круглые, что совиные глазки. И поблескивают в темноте желтеньким. Разбить бы их. Вот прямо взять камешек – на берегу полно увесистых – и по очкам. По носу. По башке этой лохматой. А главное, по руке с пистолетом.

Агнешка вздохнула и шагнула к машине. Багажник открылся сразу, и она, ойкнув, зажала рот руками. Внутри гигантской белой куколкой в коконе полиэтилена лежало тело. Мужское, судя по торчащим ботинкам. И тяжелое.

Преодолевая отвращение, Агнешка коснулась куколки. Холодная, скользкая. Нет, блевать нельзя. И в обморок падать. Девушки ее размеров, как говорила маменька, в обмороки не падают, потому как смотрятся при этом весьма нелепо.

Девушки ее размеров занимаются спортом и с легкостью поднимают тяжести.

Такие, как труп из чужого багажника.

Если на плечо, то...

– Вы очень сильная, – восхитился очкастый.

Издевается он, да? Агнешке дико хотелось завывать, застучать кулаками по крыше машины и разрыдаться, но вместо этого она сухо поинтересовалась:

– И куда его?

– В воду.

Ну да, логично. Остается надеяться, что у берега достаточно глубоко будет.

– Стойте! – вдруг опомнился убийца. – Так он всплывет. Нужно груз привязать. Там, в машине, в бардачке пакет должен быть.

Был. С бутылкой вина, гроздью темного винограда в пластиковом контейнере, желтым, в смолистые капельки, ананасом и куском сыра с благородной плесенью.

– Камней туда напихайте и привяжите.

Раскомандовался... Собирая камни, Агнешка прикидывала и так и сяк: выходило, что даже если ей повезет успеть замахнуться и швырнуть булыжник, не факт, что она попадет в урода. А если и попадет, то не факт, что собьет с ног или вообще причинит хоть какой-нибудь вред. Успеет он выстрелить.

Обидно.

Тащить труп с грузом было неудобно. Все ж таки она женщина, а не кобыла. И нервы у нее не железные. И эта перекошенная рожа с разязвленным ртом, вокруг которого по пластику расплылось бордовое пятно, внушает ужас.

– Извините, при другом раскладе я бы непременно помог вам, – нарушил молчание очкастый. – Но ситуация, сами понимаете...

Агнешка кивнула. Понимает. Чего уж не понять. Дуло, устремленное между лопаток, вообще пониманию способствует.

А у берега мелко... нет, в воду она не полезет! Не полезет, и все тут!

– Надо, – попросил мучитель.

Холодно. И пиявки, должно быть, водятся. И водоросли осклизлыми лапами обвили щиколотки – Агнешка усилием воли подавила трусливый визг. Нет, она умрет молча. Гордая и...

Темную воду пропороло белое тело не то рыбы, не то змеи.

Ага с воплем кинула труп и выскочила на берег, заплясала на одной ноге, счищая со второй комки водорослей. Все. Терпение ее иссякло. Сейчас она собственными руками задушит этого урода морального. И плевать ей на пистолет! Плевать и...

Выстрел грянул над ухом. Щеку лизнуло горячим воздухом, и человек тихо приказал:

– Успокойтесь. Нам еще машину спрятать надо. Давайте, садитесь за руль и...

Получасом позже треклятое авто – ох и повозиться же с ним пришлось – упокоилось в соседнем озерце, похожем на первое как две капли воды. Или скорее как две чашки одного сервиза.

Агнешка потянулась – спину ломило, руки затекли, и ноги тоже. Кроссовки промокли, а на одежду налипли тонны песка и тины.

И груз не понадобится...

Очкастый долго смотрел на нее, потом, качнув пистолетом, приказал:

– Выходим.

Вот и все. Теперь потребует ключи от машины и пристрелит Агу как свидетеля. Обидно.

– Выходим, – повторил он приказ, неожиданно рывкнув. – Копытами шевели, кобыла!

Не следовало на нее кричать. И оскорблять тоже, но сил у Семена почти не осталось. Еще немного, и он просто рухнет носом в траву, предоставив случайной сообщнице полную свободу действий. А значит, очнется он в больничке под ментовским колпаком. Если вообще очнется.

Девушка насупилась, ссутулилась, точно пытаюсь уменьшиться в размерах – вышло не очень, – и побрела к машине.

Потом прощения попросит. Добраться бы. Все как в тумане. Повязка набрякла кровью, левая рука онемела, и в ботинке хлюпает отнюдь не вода.

Держись, Семен, недолго уже.

В машину забирался боком, не спуская с девушки глаз. Крупная. Метра под два ростом. Плечи как у кузнеца, руки тоже. А судя по тому, с какой легкостью Олега волокла, и силушкой боженька не обделил.

– Руки на руль.

Подчинилась. Нахмурилась, когда наручники застегнул. Спросила:

– И дальше что?

– Дальше поедем. Прямо. Через километров пять будет спуск на проселочную. Деревня Хвостово.

Говорить. Слова держат, не позволяя провалиться в бессознательный бред. Держись, Семен, уже почти.

Свет фар взрезал темноту, заставив на долю мгновения зажмуриться, но когда Семен открыл глаза, машина уже прыгала по горбам гравийки. Черт! Отключился, что ли? А она? Не заметила? Или посчитала, что притворяется?

А вот и деревня. Кособокие дома с проваленными – пусть в темноте и не видно – крышами. Мертвые окна. Тишина.

– Дальше. Теперь направо. И еще. Прямо. Проедешь, дорога тут нормальная.

Почти. Каждая яма в теле болью. Не заорать бы. Не выказать слабость. Если она поймет – ему конец.

– Стоп.

Машина покорно замерла, почти уткнувшись в штакетник. Семен расстегнул наручники и приказал:

– Выходи.

Семь шагов до дома. Чертова дорожка, размытая дождями. Не поскользнуться бы. Если он упадет, то уже не встанет. Раз-два-три. У нее широкий шаг, как поспеть. Четыре-пять. Стена родная, сложенная из валиков-бревен, поросших кудлатым мхом. Окно за броней ставен. Шесть-семь. Порог. Три ступеньки и дверь. Амбарный замок в леопардовых пятнах ржавчины. Ключ в кармане и неловкие пальцы.

– Открывай.

Запах сырости и тлена. А чего ты ждал, Семен, после нескольких лет отсутствия?

– Свет. Выключатель сбоку.

Он не удивился бы, узнав, что света нету. Проводка сгорела, лампочка разбилась, и вообще на электростанции отрезали мертвую деревню от благ цивилизации. Но нет. Защищено, застрекотало и вспыхнуло, ослепляя. К счастью, не его одного.

– Туда двигай. Открывай.

Он отдавал короткие команды и радовался, что девица подчиняется.

– Садись.

Бабкина кровать, намертво прикрученная к полу. Остов из толстых труб, которые, если повезет – а должно же ему хоть в чем-то повезти, – выдержат. Наручники.

Девица не без опаски села на кровать – истошно взвизгнули пружины, а дырявый матрац выплюнул облако трухи. Она чихнула и... Семен рухнул на пол.

Он не потерял сознание, во всяком случае не сразу. Он видел ее ноги – белые некогда кроссовки в грязевых разводах. Синие джинсы с желтой строкой. И синие же ножки кровати, львиными лапами продавившие дорожку.

Спать.

Нельзя. Нужно перевязаться.

Нет, сначала встать, доползти до аптечки – дурак-дурак, не мог с собою захватить – и перевязаться. А там уже и полежать. Всего чуть-чуть.

Из-под бока растекалось море. Мокрое и красное, густое, как варенье. На хлеб его, на батон и с чаем, зажмуриваясь от сладости и удовольствия.

Она часто жмурилась, девочка-колокольчик в синем платье... а стреляла и вовсе с закрытыми глазами.

За что?

В комнате воняло травкой. Варенька достала платок, приложив к носу. Опять он... обещал ведь! Всегда обещает, но никогда не держит слово. Пора было бы привыкнуть, а она все никак.

И лица на портретах тоже.

Кривится голова на блюде, зевает от скуки женщина, проткнутая жалом пчелы, морщится шут в стеклянном шаре, и король передразнивает гримасу. Король нравился Вареньке больше всех. Когда в мастерской не ширялись, он был спокоен и прекрасен.

– Это ты? – Антоша выполз из-за мольберта, позевывая. На шкуре его россыпь свежих комариных укусов, светлые волосы сбились колтунами, а к груди прилип березовый лист.

– Где ты был?

Варенька улыбнулась королю и щелкнула по стеклянному шару. Шут внутри скривился еще больше.

– Натуру искал...

Натура лежала на топчане, сверкая ягодицами. Рыхлая и белотелая – перебродившее тесто на слабых костях. Массивные бедра, пухлый живот в перетяжках и обвисающая грудь.

– Это дама, – пояснил Антоша, тыча в бок палкой. Дама заворочалась, матернулась сквозь сон и перевалилась на другой бок, в виноградных пятнах синяков. – Королю нужна дама.

Нужна, но разве такая? Она же отвратительна! Все его натурщицы отвратительны, и поэтому Варенька радовалась, что Антоша никогда не приглашал ее позировать. А за радостью скрывала зависть: их уродству быть сохраненному в веках, а ее красоте...

– Ты чего приперлась? – Антоша, отодрав лист, прилепнул его на брюхо даме. – И не позвонила.

– Ты трубку не брал.

Пожатие плечами: дескать, и что? Это еще не повод, чтобы появляться и мешать художественному процессу.

Варенька прошла по комнате – Антоша, сопя и хлюпая носом, шел следом, – протиснулась между холстов, сваленных кучей, и буркнула:

– Отвали.

Отступил, бормоча, но перечить не осмелился. Правильно, она слишком зла, чтобы слушать его нытье. За холстами обнаружились доски, неструганные, и, естественно, щепка тотчас вошла под шкуру. Больно! Твою ж...

– Тебе помочь? – прочухавшись, Антошка решил быть вежливым. Кинулся растаскивать завал, засуетился.

– Просто уйди.

Еще чуть-чуть, и Варенька сорвется. Наорет или чего хуже. Понял. Отступил. Шаркающие шаги, скрипящие половицы. Женский писк по нервам и Антошкин успокаивающий бубнеж. Как же она ненавидела их! Ничего, совсем скоро избавится, ото всех и сразу...

Но вот за досками оголился паркет, исцарапанный и грязный. Щелястый, что бабкин овин. Лезвие перочинного ножа вошло между досками. Внутри хрустнуло, и одна из половиц поддалась. А потом и вторая. Мелькнула мысль, что тайник надо бы менять – неудобно и ненадежно. Антошка-то не полезет смотреть, знает, чем чревато любопытство, но вот его бабы – другое дело.

Однако Варенька слишком устала. Как всегда, после *дела* она чувствовала себя опустошенной, словно выпотрошенной. Уже завтра опустошенность сменится приливом сил, но сегодня...

Палочки ржавых гвоздей, пыльная ниша с паутиной по углу. Рука ныряет в нее едва ли не по локоть, нашаривая сверток. Тянет. Тот застревает и хрустит, грозя смять содержимое.

Ну вот, опять!

Варенька заставила себя расслабиться, нащупать узел – рыхлый и податливый, – развязать. И извлечь сокровища по одному.

Стеклянный шар с фотографией внутри. Кусочек бумаги болтается запертой бабочкой. Она даже потрясла над ухом, прислушиваясь – не раздастся ли влажное трепыхание крыльев или удары жирного тела о стекло. С некоторой печалью отложила. Следующей была серебряная заколка-пчела с длинной иглой, торчащей из брюха. Прозрачные крылышки, янтарные глаза, россыпь мелких алмазов по тельцу. И бурые капли на жале. Не стереть бы. А вот осколок фарфорового блюда. Белый клык с аляповатой синей росписью по краю. Его Варенька держала дольше всех, и к каплям бурым – точь-в-точь таким, как на жале, – прикоснулась.

– На золотом крыльце сидели, – она поставила сумочку. Щелкнул замок, раскрылась матерчатая пасть с железным обводом беззубых челюстей. – Царь, царевич, король, королеви...

Пара запонок и монета. Монета интереснее, если не знать правильную, то можно перепутать. Мало? Много? Достаточно.

– Ва-а-арь! – Антошкин вопль нарушил ее молчание. Скотина! Знает же, что нельзя ее беспокоить в это время! – Ты скоро? А то мы уходим...

Уходите. Убирайтесь! Дайте воздуха и свободы, хотя бы минуту покоя. Черт бы вас всех подрал, сволочи...

Варенька неожиданно для себя разрыдалась. Гады-гады-сволочи... Антошка-Дама-Король-королевич... сапожник-портной. Кто ты будешь такой?

На стеклянном боку шара отразилось ее лицо, искаженное, словно маска.

Шут смеялся? Пускай. Мертвым можно.

Когда он упал, Агнешка обрадовалась. Этакое-то везение! Вот сейчас она... ничего не сделает. Рывок и еще рывок. Кровать ходуном заходила, но с места не сдвинулась. Стальной же браслет впился в руку. И чем больше Агнешка дергалась, тем сильнее впивался. Ну что это такое?!

Спокойно. У этого психа – точно в отключке, никак раненый – должны быть ключи. А значит, все просто: Агнешка дотянется до него и обыщет. Руки-то у нее длинные. И ноги. И сил хватит треклятую кровать с места сдернуть.

И вообще она, Агнешка, женщина решительная. Предприимчивая. Вот только пристегнутая к кровати намертво.

Она сползла на пол, вывернула руку, пытаясь второй до ботинок дотянуться. Чуть-чуть еще... и еще... каких-то пару сантиметриков. Плечо болит. Не вывихнуть бы... а и черт с ним, вывих потом вправить можно, а дыру в голове не залечишь.

Ну же...

Через полчаса она сдалась. Тело лежало слишком далеко. Кровать оказалась прикручена к полу. А Агнешка соответственно к кровати. Удался вечерок, ничего не скажешь... хотя какой вечерок – светает уже. В бойнице окна, за серой пленкой грязи, небо светлело, готовясь вывалить на бедную Агнешкину голову все краски рассвета. И зачем?

Глядишь, этот очнется...

Еще через полчаса в комнатушке стало почти светло. Во всяком случае, достаточно светло, чтобы Ага смогла разглядеть, куда попала. Первая мысль: на свалку. Колченогий стол на костыле-подпорке из тумбы и пары кирпичей. Серая скатерть свисала грязной тряпкой. Ваза с сухими стеблями, что топорщатся в стороны, словно стрелы из колчана. В углу, прикрытый платком, лупоглазый телевизор на трех ногах, а на нем – массивная туша граммофона. Труба валялась на подоконнике, прикрывая грязную кастрюлю с сухими останками цветов.

И на общем фоне ярко-оранжевый пол выглядел нарядным. А человек на нем... человек на нем не шевелился. Умер? Если он умер, то... то Агнешка тоже умрет. Сдохнет, пристегнутая к кровати, от голода, жажды и лопнувшего мочевого пузыря.

– Эй, ты... живой? – она прошептала вопрос, но собственный голос, отраженный стенами, показался очень громким.

Человек не шевельнулся.

– Эй! – позвала она чуть громче.

Тишина. Лежит. Руки к животу прижал, лицом в грязный пол уткнулся. Очки свалились, ловят скудный свет, пускают по стене солнечных зайчиков.

– Эй! Кто-нибудь! Помогите!

Шея у него длинная, с четырьмя продольными царапинами. А волосы светлые-светлые, почти белые, но слиплись на виске.

– Помогите! – Агнешка заорала во весь голос. Бесполезно. Дом-то в стороне стоит. И деревня, через которую крались ночью, мертвой выглядела. А значит, никто ее не услышит, никто не спасет...

Стоп. Вот реветь не надо. Не будет она реветь. Она себе слово дала еще в школе и держит. Просто нужно еще попытаться дотянуться до тела. Сжать зубы, забыть про боль. И добраться до трупа.

У нее почти получилось коснуться ноги. Но именно в этот миг человек заворчался, поднялся на четвереньки и, мотнув головой, как спросонья, спросил:

– Долго я?

Вот же гад!

Сознание, несмотря на слабость, было ясным. А вот тело подводило. Пока не перевязал – спасибо, бабка, запасы твои еще раз выручили внука-раздолбая, – ползал на четвереньках, локтем пытаюсь зажать дыру в боку. Та вроде засохла, закупорилась кровяной коркой, но тревожить ее было страшно.

Девушка следила за манипуляциями Семена пристально, как демократичная Америка за предвыборной гонкой. Молчала. Сопела. Скребла свободной рукой растертое запястье. Вовремя он ее пристегнул. Сбежала бы. И не факт, что не сбежит.

– Тебе в больницу надо, – сказала она.

Надо. Кто бы спорил. Да только в больнице про огнестрел моментом доложат. И положат. Сначала в палату, потом в камеру. А там при некоторой доле невезения и на кладбище. Ему и так подфартило: девочка-колокольчик не стала добивать.

Тварь она.

Но за что?

– И я в туалет хочу, – пленница заерзала на кровати и скрестила ноги. – Очень. Пожалуйста.

Ох, Семен, где были твои мозги ныне ночью? В огненной дыре, что возникла в боку. В слабости. В страхе, что та, другая, вернется. Или что менты заявятся и возьмут над теплым трупом.

– Ну пожалуйста!

Семен поднялся – если двигаться осторожно, то все не так и страшно. Надо попить. И поесть. Продукты он забрал, только там мало. Но в бабкиных запасах сахар должен быть. Он читал, что при кровопотере нужно есть сладкое, чтобы запас глюкозы восстановить. Правда? Нет? Какая разница.

Девушка смотрит почти с ненавистью.

В туалет. В кухне ведро есть. Сойдет.

– Отвернись, – сказала она, брезгливо сморщив нос. Семен мотнул головой: еще чего, у нее на физии написано желание приложить его чем-нибудь тяжелым. И нельзя сказать, что желание это незаконно.

– Я его не убивал.

Смотреть он старался поверх ее головы.

– В меня самого стреляли. Я просто испугался, что меня посадят.

Хмыкнула. Ну да, ситуация выглядит маразматически неправдоподобной. Но на самом деле...

– Он был мужем моей любовницы, понимаешь?

Зачем рассказывать ей? Случайная величина, затесавшаяся в и без того нелепое уравнение. Семен даже имени ее не знает.

– Как тебя зовут?

А если опереться на стену, то стоять легче.

– Агнешка, – ответила девица, заправляя рубашку в джинсы, и хмуро добавила: – В честь прабабки. А тебя?

– Семен. В честь кого, не знаю, поэтому просто.

Кивнула. Медленно вытянула руки, дескать, заковывай. Но у Семена были иные планы:

– В машину. Там продукты. Принеси. Если решишь бежать, то учти – ключи от машины у меня. Стреляю я хорошо. И по движущейся мишени тоже. До ближайшего населенного пункта километров сорок, и то, если напрямик. А здешние леса – не парк. Заблудишься. И волки тут водятся.

Поверила ли? Вряд ли, Семен никогда не умел врать. Но сейчас будет возможность проверить.

– Идешь медленно, и чтобы я все время видел. Аптечку тоже захвати.

Она и вправду шла медленно, нога за ногу. И выглядела несчастной – простите, леди, рыцарь скурвился, – а в машине копалась долго. Он даже испугался, что заведет без ключа. А вернулась с массивным зеленым ящиком в руках.

– Тебя нормально перевязать надо.

– Ты врач?

– Ветеринар. Садись.

Глаза у нее синие-синие, честные, как у дитяти, готового пакость совершить. Ну нет, девочка, Семен слишком много ошибок совершил, чтобы позволить себе еще парочку.

– погоди.

Цепь отыскалась там, где и должна была, – под столом. Один конец ее был прочно вмурован в крышку погреба, второй болтался стальным хвостом. Когда-то бабка козу на зиму брала в дом, но и для человека сгодится. Агнешка снова хмыкнула, но руку подставила, правда, левую на сей раз. Наручники защелкнулись. Семен добрал до печи, сунул ключ в банку, а ствол на полку – сюда она точно не дотянется – и пояснил:

– Если я умру, то ты тоже. Будь уверена.

Она пожала плечами и велела:

– Сюда садись.

Возилась долго. Промывала минералкой, потом ватными шариками, которые бросала на пол – разлетелись бурыми помпонами. Потом укол всадила, от которого бок онемел, а Семена снова повело. Упал бы, когда б не сильные руки, поддерживавшие и опустившие на пол. Они же, вернувшись к дыре в боку, проросли в нее холодным железом. Не больно, но неприятно. Зашерудили. Подцепили чего-то – почудилось, кусок Семена. Потянули. Сунули в ладонь – твердое, мелкое, как горошина. Плеснули горячим.

– Я не убивал его! – успел сказать Семен, прежде чем снова отключиться.

Выбравшись из мастерской – да здравствует горячий воздух, подкопченный ароматами бензина и куры-гриль, – Варенька остановилась.

Небо цвета ликера «Блю Кюросау». Солнце – половинка апельсина – отражается в пыльных стеклах, рассыпается по асфальту золотыми монетами солнечных зайчиков. Тени – осыпавшаяся тушь – залегли вдоль домов, прижались к бордюрам. Ждут.

Куда идти? Налево-направо? Прямо через дорогу к желтой палатке, где парень в мятом халате плюет семечки и искоса следит за курицами?

Сегодня Варенька может пойти куда ей хочется.

Свободна!

Один день. А потом еще один. И на третий станет томительно. На третий придется возвращаться в стаю и выживать. Получится?

«Орел? Решка?» – монетка привычно легла в ладонь, прилипая аверсом – реверсом? – к влажной коже.

– Решка, – решила Варенька, подкидывая кругляш. Поймала тыльной стороной, накрыла пальцами, зажмурилась, как всегда – угадала? нет? – подняла.

Решка. Значит... а ничего не значит. Сегодня она свободна.

Цокот каблучков разносился по переулку, мешался с детским смехом и шарканьем подошв об асфальт. Часто стучала скакалка. Грохотали погремушки в руках годовалого младенца, чья мамаша, позевывая, читала книгу. Скрежетали старые качели.

Варенька хотела подойти – она любила кататься, – но потом передумала: запомнят. Ей нужно быть осторожной. Очень-очень осторожной! Иначе это сегодня станет последним.

Телефон в сумочке завибрировал, натягивая невидимый поводок реальности, и пришлось ловить дрожащее тельце, выковыривать, подносить к уху – мерзость! – и отвечать:

– Да.

– Олег исчез, – сказал ей тот, кого Варенька совершенно не желала слышать.

– Да?

– Да! Ты же должна была... ты...

Он умел ругаться, но Варенька – обычное дело – отняла телефон от уха и новым взглядом уставилась на двор.

Солнце в небесах поблекло, да и сами небеса – не ликер, но выцветшие пеленки. Запахи превратились в вонь, звуки скопом ударили по вискам.

Началось. Рано. Варенька еще не готова. И тот-кому-нельзя-перечить почует. Он всегда чует страх и слабость.

Но почему хватились так быстро? Не должны были... еще день. Или два. Как раз хватило бы до Семена добраться. Он, дурашка, гадает, почему Варенька промахнулась. И почему не добила. И еще много о чем гадает, но вряд ли догадается.

– Приезжай, – велел тот-кому-нельзя-перечить. – Немедленно.

Ребенок, выронив погремушку, завизжал. Варенька очень хорошо его понимала.

Бонни и Клайд Разговор, которого не было

С чего бы начать, мистер Шеви? Ах, с начала? Верно говоришь, Клайд. Он всегда говорит верно, за это и люблю. Итак, с начала... Родилась я первого октября 1910 года в городе Ровена, штат Техас. И никакая это не дыра! Симпатичный городок, мне в нем даже нравилось. Господи, какой же наивной я была!

Нет, нет, не перебивай! Я не отвлекаюсь.

Когда мне исполнилось четыре – совсем кроха, само очарование, – мой папаша умер. Не сказать, чтоб я так уж его любила, характер у старика был скверный, да и попивал он, и мамашу поколачивал. Ну да обычная жизнь, как у всех. Только я уже тогда другой хотела. Из дому убегала, особенно когда папаша, от очередного клиента денег получив, вдрызг упивался, а мамаша вокруг него танцы вытанцовывала. Им тогда становилось не до меня.

Что ты говоришь, Клайд? Нет, мистер Шеви, вы его не слушайте, он шутит! Я не делала ничего такого, незаконного. Я просто гуляла.

Я помню магазин готового платья мистера Дженкинса. Старый скряга с дурным характером, он вечно гонял меня и бранился. Помню и лавку старой Фло, которая, пусть и вправду была стара, как Мичеганские озера, и почти слепа, но умудрялась оставаться лучшей портнихой.

Я садилась у дверей и смотрела...

Лавка старой Фло представлялась мне таким сказочным царством. Оно начиналось с резной двери, на которой был прибит колокольчик. Когда дверь открывали, колокольчик звенел. Не смейся, Клайд, он звенел совершенно по-особому, я больше никогда не слышала подобного голоса...

Первыми появлялись прачки. Сестры-близняшки, с почерневшими от загара руками. И лица у них были черными, как у негров, а на лбу, там, где косынка прикрывала, виднелись белые полоски кожи. Прачки приносили корзины с выстиранным бельем и уносили другие, с грязным.

Следом являлись белошвейки, всегда стаей, всегда сонные, неповоротливые, и старшая из них – Мэгги, внучка Фло, суетилась, толкала, щипала, пыталась разбудить, а отчаявшись, кричала визгливым голосом.

Потом появлялась сама старая Фло. Она была низенькой и худенькой, затянутой в корсет до волшебных семнадцати дюймов талии...

Да, Клайд, как у меня, но старая Фло была выше. Она останавливалась, смотрела долго и пристально, а потом, не сказав ни словечка, уходила в волшебное свое царство.

Тут же объявлялся посыльный от торговца тканями мистера Твидди, приносил заказ и новые образцы, а еще шелковые и атласные ленты, чулки, булавки, резные пуговицы... он был настоящим хранителем сокровищ, этот скверный мальчишка.

Однажды, когда он зазевался, глядя на пожарных, я стащила из корзины ленту. Алую.

Потом, уже ближе к полудню, в лавке появлялись леди. Я помню запах их духов, и важную поступь, и кружево зонтиков, которое как кружево листвы, только лучше. Я помню горничных, серых и блеклых рядом с этими райскими птичками. Помню шоферов в скрипучих кожаных куртках. Помню... многое помню, пусть и говорят, что я слишком мала, чтобы что-то помнить, но это не так.

Это было чудесное время...

Но как уже говорила, мистер Шеви, мой папаша представился, и мамаша вместе с нами – а нас у нее было трое – переехала в Симент-Сити, пригород Далласа. Не могу сказать, что перемены были столь ужасны. Изменилось место, но не я.

Что, мистер Шеви? Да не знаю я, чего о себе говорить. У Бонни поспрошайте, она говорит ладно. А я... что я? Когда родился? И где? А зачем? Ну ладно. В Техасе я родился. В марте. Двадцать четвертого. Год? Ну 1909-й. Полное имя? Да что ты меня допрашиваешь?

Я не психую, Бонни, просто чего он прицепился, что репей на задницу?

– Клайд Честнот Барроу его зовут, мистер Шеви. А я, стало быть, Бонни Элизабет Паркер. Ну, или Торнтон, если по мужу.

Нет, она не развелась. Колечко видите? Я б его тоже снял, так не дается. Ох уж эти бабы, как наберут себе в бабку, так не выбьешь. Ну значит, о семье... Папаша мой фермером был. Ну да, обыкновенным фермером и неграмотным, ежели и это знать хотите! Пахал с рассвета до заката, чтоб нас, значит, накормить. Мамаша тоже пахала и рожала, рожала... семерых нарожала, значит. Я пятый. Потом еще двое. Или трое? Вот проклятье, совсем запамятовал. Кто-то помер, значит, семеро. А потом родился. То есть восьмеро? Вы там потом сами сосчитайте, ладненько?

Чего еще помню? Ну, помню, что жрать хотел. Неинтересно? Ну так да, про платья оно краше, а мне-то куда про платья. Хотите, про брата расскажу? Баком его звать. Он теперь не с нами, сидит, но как выйдет, я его с собой непременно захвачу, нечего ему у бабской юбки сидеть. Бак и лихой... мы с ним слегка того, ну сами понимаете...

– Подворовывали они с Баком. По мелочи. Ведь дети же и есть хотели.

Во-во, постоянно. Я все никак докумекать не мог, чего это одни на машинах ездят, а другие за ними пыль глотают. Теперь вот пусть за нами глотают. По справедливости все.

Это она так говорит. И правильно говорит. Она умная, даром, что баба.

Ну так, значит, мы с Баком втихаря крали. Не, не деньги, куда там... жрачку, то и се, чего лежит плохо. Ну оно с каждым годом все хреновей становилось, папаша хоть последние жилы из себя тянул, да все не вытянул. Разорился. Пришлось с местечка-то нагретого сниматься, ехать. Какой же это год был, дай бог памяти. Двадцать первый? Двадцать второй? Точно, второй. В общем, перебрались в Западный Даллас. Старик мой все надеялся, что лучше будет, а я уже тогда понимал – не-а, не будет. Просто так судьбою написано, что одни горбятся, а другие на их горбах жиреют.

Что я, думаете, слепой был? Или дурной? Это я говорить-то так разговариваю, а на самом-то деле я толковый.

Ну, значит, обживались мы в Далласе, я-то если прежде все бегал да дуркой разной маялся, игры играл или вот с Баком куролесил, то теперь приглядываться начал к тому, чего вокруг творится.

Что делала я в это время? Ну, право слово, мистер Шеви, я и не помню... знаете, как бывает, что память словно конфетти забита. Вытаскиваешь горсточку и перебираешь. Вот это оттуда, это отсюда, а вместе чтобы, так не складывается.

Давайте я расскажу, как в школу ходила. О да, я была хорошей ученицей! Одной из лучших. Пусть мы были не особо богаты, но матушка моя старалась сделать так, чтобы бедность наша в глаза людям не бросалась. Она шила мне наряды, ничуть – как мне тогда казалось – не хуже, чем старуха Фло. Она помогала волосы завивать, знаете так, когда на ночь мокрые косичками заплетает, а утром расчесывает и весь день в кудряшках. Смешно, правда? А учительница моя, миссис Бэрри, однажды обозвала меня франтихой. Она-то хотела укорить, а я загордилась.

Ой, какой же глупенькой я была!

Так вот, в школе нас, конечно, всякому учили, это как везде. Я вот к литературе сердцем прикипела, и, может, оно и неправда, что в книгах написано, но читаешь – и душа в выси воспаряет. А миссис Бэрри красиво читала. Голос у нее был, что у проповедника.

Так вот училась я и училась. И закончила младшую школу – мне тогда четырнадцать аккурат исполнилось, взрослая уже. И матушка хотела бы, чтоб я работать пошла, а меня дальше учиться зазвали, миссис Бэрри сама приходила и разговаривала про то, какая я умная да талантливая. В общем, оставили меня в школе, вот только... ох, мистер Шеви, тут уж оказалось, что права была моя матушка: переросла я книги. Все-то вроде так, все по-прежнему, а нет того счастья, как раньше. И сердце ломит, ноет, просит чего-то иного.

Влюбилась я. Нет, не в Клайда, Клайд уже позже появился, и тут любовь самая настоящая, теперь-то я понимаю. А тогда что? Шестнадцать лет, в голове ветер, под сердцем дырища, и любой красавчик принцем кажется.

Рой Торнтон его звали. Тот еще проходимец. Появился, голову вскружил, замуж позвал, а я и рада. Выскочила. В сентябре свадьбу сыграли... Точно когда? Двадцать пятого, а год двадцать шестой. Я еще все хотела, чтобы на денек позже, тогда совсем красиво было бы – двадцать шестого сентября двадцать шестого года. Но не вышло.

В общем, со свадьбой моя учеба и закончилась. Ох, помню, миссис Бэрри отговаривала школу бросать, и Рой ей крепко не по вкусу пришелся. Она-то женищина строгая, любого насквозь видит. Вот и его как увидела, так и сказала: фронт и мот.

Так оно и вышло. Поначалу-то все славно было, жили вместе, душа в душу, почти как в книжке, а потом чем дальше, тем хуже. Загуливать начал, скотина этакая. Все пропал куда-то и пропадал. Я спрашиваю – он молчит. А однажды кричать начал, пощечину залепил, дескать, не мое это дело, где он время проводит. Как это не мое? Я ему жена или кто? И бить себя не позволю! Так и сказала. Помирились вроде, но как бы не до конца. Я ему не верила, он все реже дома ночевал, а когда приползал, пахло от него виски и духами дешевыми. Ну а когда второй раз попытался ударить, тут-то я и ответила, чем могла. Канделябром приложила. Он и отстал. Извиняться начал, только я уже поняла, что с этих извинений, как с быка молока, плюнула на все и ушла.

Я? А чего я, мистер Шеви? Как жил? Да обыкновенно жил, как все. Ну да, в школу ходил, хотя оно, конечно, крепко не по мне было. Голова уж такая, что хоть доски на ней теши, а ума не прибавится. Работать соображалка работает, а больше – ни-ни. Читать там, писать – еще могу, а там литературы всякие, как она, так тут увольте.

Учился я, значит, но папаша мой верно сказал, что с младенчества у меня шло в заднице. Да не ругаюсь я, все так говорят. Папаша-то мой на бензоколонку работать устроился. С этой-то бензоколонки и началось по-серьезному... Я ж тогда-то мало чего соображал. И красть то авто не собирался. Тянуло меня. Чтоб как эти, богатенькие, за руль сесть. Вдохнуть запах кожи начищенной, бензина сгоревшего. Чтоб с места дернуться и проехать по улице, а все б оглядывались и говорили:

– Гляньте, гляньте, это ж Клайд! Клайд Барроу!

Сесть-то я сел, да посидел недолго – шериф, собака, быстренько выдернул да за решетку. Сам же, толстая скотина, кланялся, чуть не плясал перед богатеем тем:

– Извините, мистер. Простите, мистер...

Папашка-то скоренько за мною явился, да и шериф больше пугал, но... вот противно, мистер Шеви. За что такая несправедливость? Почему одним – все, а другим – ничего? Не знаете? От и я не знаю.

Чем закончилось? Так известно, чем. Папашка взял ремень да выдрал меня так, что день лежмя лежал. Еще потом орал, дескать, я имя позорю.

Ха! Позорю. Было бы чего позорить. Честные люди... толку с той честности... Она единственно нужна, чтоб не так противно было в грязи колупаться. Небось, этот, который машины хозяин, не больно-то про честность думал, потому и деньгу нажил.

Ну дальше пошло-покатилось. Братец мой Бак помог. Сначала по мелочи с ним баловались, но когда на индюках погорели, то решили... нет, не завязать, чтой-то вы смешное говорите, мистер Шеви, разве ж мы алкоголики, чтоб в завязку уходить? Мы решили, что если уж рисковать, то по-настоящему, чтоб не так обидно было. Собрали мы, значит, банду, «Рут Сквер», и начали автомобильчики раздевать-разувать. А потом и по бензоколоночкам прошлись. Весело было, эт да. И деньга появилась... папашка наш быстро просек, откуда. Наново орать начал. Я тогда из дому и ушел. Просто как-то понял, что ну его, такую жизнь. Чего меня ждет? Папашкино место в прислугах? Позвольте, извините, разрешите... вечно паяться на чужое, своего не имея? И деткам врать – а папашка быстро обженит бы, чтоб как у людей, – что бедность и честность – это правильно?

Нет, мистер Шеви, вы эту лабуду другим впаривайте. У Клайда своя голова на плечах.

Ну значит, ушли мы с Баком из дому... куда? Да куда глаза глядят. Нам-то едино было.

Поначалу как-то оно совсем невесело вышло. Денег почти и нету, спать негде, жрать нечего. Начал ли я раскаиваться? Да что я, грешник, чтоб каяться? Нет, я думать начал, как, значит, денег добыть. И Бак тоже думал. И придумал. Ломанули мы вагон-ресторан... Когда было? Да как сейчас помню – в двадцать восьмом. Ох и веселое дельце, думали, что первое крупное, а вышло, что первое провальное. Взяли Бака. И мне на хвост сели. Бежать пришлось. Тогда-то и помотался я по стране. Сначала в Техас, все ж родина как-никак, потом по другим штатам. А заодно и понял, что вот она – настоящая жизнь.

В каком смысле? Да в самом прямом, прямее некуда. Деньги с тобой. Стволы с тобой. Дорога твоя, да и весь мир тоже. И плевать, что сзади погоня. Они слабее и отстают. Всегда отстают, мистер Шеви.

Нет, не пишите там, что Клайд безумец. Понимаю я распрекрасненько, что когда-нибудь они или догонят, или обложат, и тогда прощай жизнь. Вот увидите, стрелять станут сразу, потому как знают – Клайд и Бонни не сдадутся.

Интересно? Ну могу рассказать про дело свое первое. Ох и боялся же я! Помнил, чего с Баком случилось, да только не полиции – неудачи боялся. Того, что окажусь, как папаша мой – неудачником полным. И повяжут, и смеяться будут над грабителем таким. У меня ж даже пистолета нормального не было. Ворвался, заорал, уложил на пол – благо, охраны оказалось немного. Деньги сгреб и до свиданья, так они Клайда и видели.

Сколько взял? Конечно, помню. Сорок долларов и четвертак. Немного? Ну как для кого.

Ох, мистер Шеви, я и не знаю, о чем вам рассказать. Тут у Клайда жизнь интересная была, заслушаешься прямо. Я же, от муженька сбежав, в кафе устроилась, официанткой. Да уж, невеселая работенка. Платят мало, зато спрашивают за заплаченное по полному. За день, бывало, так набегаясь, что к вечеру ног не чуешь.

А что самое отвратительное, начинаешь к такой жизни привыкать. И однажды я себя спросила:

– Бонни, детка, неужели ты мечтала об этом?..

Интерлюдия 1

Из окна виднелся кусок улицы. Мостовая, высокий бордюр и бурый фасад старого дома. Красный прыщ колонки и столб-палка, на котором когда-то висел фонарь, но не так давно исчез.

Теперь по вечерам перед кафе было темно.

И скучно. Правда, скука царила здесь безотносительно фонаря. Тоскливо жужжали мухи. Тяжело рокотал мотор за стеной. Устало плевалась жиром плита. Бубнили посетители...

Скрипнула дверь, впуская очередного. Высокий, худой и безликий. Надвинутая по самые брови шляпа, высокий воротник серого пальто. Очень дорогого пальто. Но плохо сидящего.

Посетитель занял самый неудобный из столиков. Снял шляпу, стряхнул и положил на соседний стул. Взмахом подозвал официантку.

– Гамбургер, – буркнул, не глядя.

Молоденький. Симпатичный? Пожалуй, нет. Лицо острое, худое. Русые волосы взъерошены и подстрижены не совсем удачно, отчего заметно, что уши крупные и оттопыренные.

Второй раз Бонни подходила к столику с некоторой опаской. Сердце странно колотилось, а в висках звучали злые молоточки.

– Вот, – поставила поднос, но не отошла. А он не прогнал. Он, кажется, только сейчас ее заметил и теперь смотрел так, что... что душа покатила кувырком.

Нет, не душа – серебряная монета, выскользнувшая из пальцев, покотившаяся белым солнышком по столешнице, упавшая в подставленную ладонь. Ожгшая холодом, чтобы тут же полыхнуть жаром. И жар этот пролетел по крови, пробуждая нечто новое, еще непонятное.

– Ваша? – спросила Бонни, отчего-то шепотом.

– Наша, – ответил незнакомец и, накрыв ладонь своей рукой, представился: – Клайд Барроу.

Он был симпатичным. Ядке бы точно понравился, ее типаж: невысокий, плотно сбитый и очаровательно-простоватый. Раненый. Пусть пуля и не задела важных органов, но кровяки он потерял немерено. А в больницу не пойдет.

И Агнешку не отпустит.

Она вздохнула и продолжила занятие бесполезное, но хоть как-то занимающее время. Сидя на полу, Агнешка ковырялась щепкой в замке наручников. В кино-то браслеты снимали легко, просто-таки на раз. А у нее и на раз, и на десять, и даже на сто ничего не вышло.

И ключ Семен – предусмотрительный, сволочь, – положил так, что и не дотянешься. Агнешка пыталась. Сначала рукой, потом хвостом от метлы. Закончилось тем, что сбила банку на пол, и та укатилась куда-то под печь.

– Гад ты все-таки, – сказала Агнешка Семену и снова приложила пальцы к шее. – Ведь сдохнешь. Точно тебе говорю, сдохнешь. Или от кровопотери, или от воспаления. Здесь у тебя – негигиенично!

Стало жалко. Дурак он. И она дура, что помогать взялась. Следовало потянуть время, тогда бы он в обморок грохнулся, не успев ее приковать.

– Не сдохну, – сипло ответил Семен, открывая глаза. Темно-карие, шоколадные с арахисовой крошкой светлых пятен по радужке. Ядка точно запала бы. У нее к темноглазым слабость.

– Сдохнешь, – упрямо повторила Агнешка, помогая ему сесть. Он шипел, держался за бок – хорошо, что повязку содрать не пытается. Ах да, он же человек, а не собака... с собакой было бы проще. – И... и вообще, кто ты такой?

Она знала ответ – бандит. Человек с большой дороги: а у кого еще могут быть пистолет и наручники? И стопка купюр с Агнешкин палец толщиной в бумажнике.

– Детектив.

Семен, поерзав, прислонился к стене. Допил минералку, зажевывая ее шоколадкой. Почти доев, опомнился, предложил дольку Агнешке.

Отказываться не стала. Так же молча, уже на двоих, сожрали виноград и сыр, который Семен предложил запить шампанским. Было вкусно.

– Детектив, значит? – Агнешка принялась облизывать пальцы, сожалея, что сыр так быстро закончился. И еда в принципе.

– Ага. Частный.

Частный-непричастный. Теплое шампанское стреляло в нос и щекотало небо. Газировка с привкусом спирта. Напиться и то не выйдет.

– И я его не убивал! – снова уточнил Семен, отбирая бутылку. Вот ему-то точно шампанское не на пользу. А может, наоборот? Захмелеет, поболеет и отпустит Агнешку на все четыре стороны. – Это она...

– Кто она?

– Варенька, – сказал он таким тоном, будто это имя ей что-то говорит. – Варя-Варенька. Моя... любовница. Да, любовница. Хочешь, расскажу?

Агнешке все равно, а ему, кажется, поболтать охота. Ну и пускай. Все занятие, отличное от ковыряния щепкой в неподатливом замке.

– Не откроешь, – Семен щепку отобрал и сунул в рот. – В общем, познакомились мы с Варей месяц назад...

Старый парк сказочным лесом раскинулся вокруг старого же дома. Черное зеркало пруда, из которого сотней белых глаз пялились кувшинки. Узкая дорожка между каштанов. Сверчки и кузнечики. Тоскливый соловей. И хрупкая фигурка светлым пятном в темноте.

– Девушка, вы не заблудились? – спросил тогда Семен, пряча за спину недопитую бутылку пива. Почему-то стало очень стыдно, что он пьян и вообще такой... несоответствующий. К этому месту подошел бы костюм лихого романтика-гусара или на худой конец вороний глянец фрака, чтоб непременно с розой в петлице.

Она повернулась к Семену. Узкое лицо в рамке светлых локонов. Тонкая шея на кружевном блюде-воротнике. Узкое платье с длинным подолом, что широким полукругом лег на траве. И запястья узкие, перетянутые черным жемчугом браслетов.

– Нет, – сказала она, заглядывая в глаза. – Я жду.

– Кого?

– Вас. Наверное.

И, поднявшись на цыпочки, поцеловала.

Это свидание закончилось у него дома. Следующее состоялось у нее. Нет, Семен не был влюблен – не дольше, чем на тот первый вечер, – а потом очарование рассеялось, превратившись в обычную перестрелку-переписку двух любовников.

Он был свободен. Она – нет.

С мужем ее выпало познакомиться через три недели после первой встречи. Она позвонила сама. Сказала адрес – случайная квартира, купленная на час, – и велела не опаздывать.

Тогда еще Семен подумал, что пора бы завязывать. Скучно все. Предсказуемо. Бесмысленно. Но на квартиру поехал, прихватив в ближнем магазине стандартный набор.

Поднялся – третий этаж старого панельного дома с окнами на восток. Позвонил в дверь. Открыли.

– Ну привет, – сказал массивный лысый тип, отступая в тень прихожей. – Ты Семеном будешь?

– Я.

– Заходи. А я Олег. Муж.

Не понадобилось ни спрашивать, ни уточнять – чей. В квартиру заходил без опаски, даже радовался – неужели что-то сверх обычной любовной рутины? Готовился драться, а получилось пить. На кухне уже накрыт стол: селедка, колбаса, соленые огурцы, черный хлеб и запотевшая бутылка со стаканами-сателлитами.

– Не за рулем, надеюсь? – Олег плеснул щедро. Протянул и сказал: – За встречу.

Тогда, махнув полстакана водки – ледяная, густая, комком упавшая в желудок, – Семен решил, что парочка эта свободных нравов. Не угадал.

– Ты садись. И не дергайся. Я ж так, сугубо поговорить, – Олег вздохнул и потер ладонью лысину. – И не думай... мне тебе охота вмазать, да крепенько, но... смысла в этом нету, сечешь?

Семен сел, выгрузил на стол привезенное, сунул виноградину в рот и кивнул. Сечет. Только ни фигища не понимает.

– Думаешь, ты у нее первый? И не первый, и не единственный. Потаскуха она.

У Олега широкое лицо с мясистым подбородком и сухим, костлявым носом. Губы толстые, валиками, и веки такие же. Глаза между ними кажутся узкими, почти незрячими.

– Когда первый появился – бил. И второго тоже. И ее бил. Не помогло.

– Разведись.

Вздохнул, понурился, опершись лбом на широкую ладонь.

– Не могу. И она не может. Такая вот хреновая ситуация.

– А от меня чего хочешь? – сейчас Семен разлил сам. И бутерброд сделал. Олег пил, не морщась, а говорить не спешил.

– Предупредить хочу, – сказал он, наконец. – Насчет нее. Опасная штучка. Не боишься? Нет? Правильно, баб бояться – в лесу не сношаться. А вообще я тебя нанять хочу. Да не дергайся, я про тебя уже все пробил. Зовут тебя Семен, это да, фамилия Семенов. Лет тебе тридцать три, самый возраст для креста и покаяния. Да шучу я, шучу. До прошлого года работал опером, но сбег на вольные хлеба.

– Долго искал? – злиться на него не выходило. Наоборот, смешно становилось – играет Олег, пытается отыграть семейное счастье и отыгратся за то, что женушка любовника завела. Имеет право. А если вдруг заиграется, то будет ему и ответ, и прощание.

– Не очень. Так, порасспрошал кой-кого знакомого.

– И чего еще сказали?

– Сказали, что ты не лучший, но и не худший. Не ангел, но и не сволочь. Бабки любишь, но не так, чтоб за них родину продавать. Хотя, может, мало предлагали, а?

Сжатые кулаки, усмешка. Захотелось врезать, но желание было ленивым. Какое ему, Семену, дело до Олега и его семейных проблем? До самой Вареньки? Надоела она. Разбежаться надо.

– Чего ты хочешь?

– А хочу, чтоб ты этой тварью, женушкой моей, занялся. Есть у меня кой-какие подзрения. Доказательств хочу. Настоящих. Так, чтоб ее... – Олег сжал кулак и осклабился. – Сечешь?

– Секу. Но с какой радости я?

Валить надобно. Чутье, которое прежде не подводило, орало об этом в оба уха, заглушая Олегов бубнеж. И добавляло, что лучше бы вообще из города. На отдых. На месяц-другой-третий.

– Другого найму, она его вычислит, переспит и на свою сторону перетянет. А с тобой уже спала. И любовью к ней ты переболел.

– Ага, как ветрянкой.

– Именно. Ветрянкой. Хорошо, если не сифилисом. Шучу, хотя... кто знает. Она у нас девица вольная. Короче, вот тебе задаток, – он долго шарил в карманах твидового пиджака и, достав перетянутую черной резинкой пачку купюр, швырнул на стол. – Десять штук. Поможешь избавиться от стервозины, еще двадцать дам.

Купюры в пачке были нарядно-зеленые, с характерными медальонами американских президентов. И тогда голос разума – дела твои и так печальны, а откажешься, станут еще печальнее – заглушил вопли инстинкта.

Приличия ради Семен поборолся с собой – секунд десять, а может, и все двадцать, – но деньги взял.

– И что ты хочешь узнать? – голос дрогнул. Подумалось, что если этот неуклюжий-твидовый, уже пьяненький способен за просто так десять штук выкинуть, то сколько же у него в запасе имеется?

– Все. Куда ходит. С кем встречается. О чем разговоры разговаривает. В каких позах трахается... фотки опять же. Фотик есть?

– Есть.

Кивок, уже медленный, вальяжный. Не собутыльник – хозяин. А и пусть. Цену, говоришь, за родину не ту предлагали? Может, и правда, не ту.

– Вот. Ну тогда ходи по пятам и докладывай. И в прошлом покопайся. Хорошенько так покопайся. Без стеснения. Ясно?

Куда уж яснее. Деньги жгли карман, водка – желудок. И алкоголь, выветриваясь из головы, пробуждал к работе разум.

– Как ей объяснишь, что со мной встречался?

– Никак. Я ее поймал, когда она свиданку назначала.

– Здесь?

Кивок. Пристальный взгляд – теперь очень даже выразительный, с пожеланием сдохнуть.

– Поскандалил. И разбираться вот полез. С тобою, значит. Я иногда ее хахалей гоняю, да... знает. Подозревать не будет. Так что действуй, друг Семен Семенов. Это тебе для начала.

Из второго кармана появился желтый конверт с жирными пятнами. Внутри прощупывались бумаги.

– Только аккуратно. Все ж опасная она штучка...

Опасная. Это Семен понял, когда – и недели после встречи не прошло – обнаружил в квартире труп. А потом и Варенька появилась. С пистолетом.

Умирать на асфальте было больно и удивительно. Семен все не мог поверить: неужели и вправду конец? Вот так?

За что?

Варенька остановила такси в квартале от места. Рассчиталась, не торгуясь. Нырнула в переулочек – крысиная нора в каменном сыре района. Шла быстро, едва сдерживая себя, чтобы не бежать. Поворот. Переход. Снова поворот. Вот и рыжая туша дома. Стоит, чтоб ему... старый, с облезшей чешуей штукатурки, под которой видна кирпичная кладка. Крыша

покатая, с будочками голубятам и флюгером-петухом, что еще вертится, пытаюсь поймать несуществующий ветер.

Второй подъезд, второй этаж. Деревянная дверь поблескивает лаком. Черный глаз замка. И чуть выше второй. И третий.

Параноик несчастный!

Дверь открывалась тяжело, с прошлого раза провисла еще больше и теперь застревала в мягком ковре. Ну да Варенька худенькая, и в щелочку протиснется. И даже материться не станет.

– Я пришла! – громко крикнула она с порога. Не хватало, чтоб этот урод запаниковал и палить начал. – Эй, слышишь? Я пришла!

Тихо. Иллюзия пустоты. Рыжее пятно ковра заканчивается через два шага, обнажая глянцево-блестящий пол. Плитка мелкая, змеиной шкурой, и каждая чешуйка отражает свет единственной лампы.

Варенька натянула бахилы и пошла по коридору. Пустота кухни – стол, комод и плитка с черной кастрюлей, которая стоит фальшивой декорацией. Комната с диваном и цветастым покрывалом из газет. В горшке умирает китайская роза, а со стен серыми плетью свисают лианы.

Он сидел в третьем, самом дальнем из нор-помещений. Прислонившись к батарее, дышал дымом в узкую щель балконной двери. Не повернулся даже. Только рукой махнул – садись. Варенька села. На пол. Неудобно, но лучше его не злить, и так нервничает.

Она видела, как перекачивается под щекою мышца-желвак, словно он сунул в рот яблоко и теперь дразнился. Нет, не дразнился – всерьез. Вон губа подрагивает, и веко тоже, и острый кадык над разодранною горловиной майки. И мизинец со спекшимся кровавым пятном вместо ногтя. Содрал? Сгрыз от ярости?

– Ты его упустила, – наконец, сказал он, стряхивая пепел на светло-золотой дубовый паркет. – Взяла и упустила!

– Нет.

– Да.

– Прости. Я... я действительно виновата. Я не думала, что он может куда-то сбежать... и он вернется! Просто сорвался... бабы... запой... я у Сережки спрошу, но...

– Тебя поставили смотреть, чтоб он не срывался. Где ты была?

– В квартире. А потом в подъезде. И на стоянке под желтым колпаком света.

Мошки пляшут клубком пыли, выкидывают коленца, раздражая Вареньку. В глаза лезут. И жжется. Она долго копошится, пытаюсь подцепить черное тельце ногтем, освободить глаз, а потом боль проходит сама.

Вовремя, ведь из подъезда выходит Семен. Долго возится у машины, укладывая тело в багажник, и Варенька ждет.

Она, в отличие от прочих, умеет ждать момента.

И умеет стрелять так, чтоб подстрелок не умер, но и не ушел далеко. Семен спрячет Олега, а Варенька – Семена. Виноватых не останется, а жить будет легче.

– А если не вернется? – выслушав ее сбивчивый рассказ, ответил человек. – Если он соскочить решил? А заодно сдать нас. Его надо найти. Понимаешь?

Он дернулся и оказался вдруг рядом, слишком близко, чтобы Варенька успела убежать. Пальцы вцепились в лицо – жесткие и теплые, с запахом олифы, – притянули близко. Губы коснулись губ. Захватили. Потянули. Резанули укусом.

– Если Олег решил свалить, останови его.

Шепот. Варенька кивнула бы, если бы он разрешил. Но нет, держит, не отпускает.

– Или вы это вместе придумали, а? Ты поэтому его отпустила? Признавайся, маленькая дрянь.

– Нет!

– Ты хотела предать меня?

– Нет!

– Избавиться? Тебе надоело?

– Нет! Отпусти! – Варенька вырвалась, ударив его по руке. Не разозлился – рассмеялся и лег на пол. Теперь спокоен. Надолго ли?

– Я тебе верю. А знаешь, почему? Потому что ты со мной повязана. Вы все со мной повязаны. Навсегда. Так ведь?

– Так.

Пальцы нащупывают серебряную монету в кармане. Навсегда. Это долго. Слишком долго даже для ее терпения. Ничего, игра началась, и Варенька непременно выиграет.

Нужно лишь найти Семенова и зачистить след.

– Нужно с Олеговой девкой поговорить, – сказала Варенька. – Пусть Антошка ее спросит.

– Хорошо.

– Только сделайте так, чтобы меня с ее исчезновением не связали...

– Умница, девочка, научилась думать.

Ты себе и представить не можешь, как хорошо Варенька научилась думать.

Над Семеном кружились мухи. Откуда только взялись? Повыползали из щелей, расправили слюдяные крылья, наполнили старый дом мерзостным жужжанием. Агнешка сначала старательно отгоняла их, потом бросила. И даже когда одна – малахитово-зеленая, пучеглазая – села на руку, не дернулась.

Семен же на мух и вовсе внимания не обращал. Спал, изредка во сне дергал рукой и тогда стонал, просыпался, разглядывая Агнешку сквозь полуразлепленные ресницы.

А она сидела и думала: врет или нет?

Тело-то в машине было? Было. И прятал он его. Зачем? Естественно, чтобы милиция не нашла. Следовательно, что? Следовательно, Семен Семенов уничтожал улики. Если он не убийца, то зачем ему уничтожать улики?

А если он убийца, то почему не избавился и от Агнешки?

И вообще, кто тогда в него стрелял?

– Кто сторожит сторожей? – спросила она, щелчком сбивая с подоконника полусонную тварь. – И кто убивает убийц?

И главное, что в этой ситуации будет с Агнешкой?

Где-то в доме настырно запиликал сотовый. Чужой – Агнешкин погиб ночью в болоте. Телефон трещал, скулил и требовал внимания. Звонивший был настырен, а Агнешка слишком устала, чтобы просто слушать. Поэтому она дотянулась и ткнула лежащего в шею.

– Ну? Телефон!

Он понял. Перекатился на живот. Кое-как поднялся – болит бочок? Ничего, вот загноится, тогда и попрыгаешь – и заковылял в комнату.

– Да? – говорит негромко, но слышимость в доме-домике отменная. Еще бы мух кто-нибудь заткнул. – Да, Варенька, я жив... что, удивлена? А уж я-то как. Ты зачем в меня стреляла, идиотка?! Неужели? Не узнала? Испугалась? Чего?! Да ты в своем уме?! Да, он меня нанимал, но... нет! Послушай же! Да... да иди к черту!

Обрыв связи. Тишина – секунд на тридцать – и снова мобильник.

– Поговорить? Нет, дорогая, давай по телефону поговорим. Я тебе, знаешь ли, теперь не верю. И не вешай мне лапшу на уши. Это ты его убила! А потом и меня... ага, именно. Документы? Какие документы? Ах да, как это я запомнил. Наверное, дырки в шкуре отрицательно на память воздействуют. Есть у меня документы, я их для Олега готовил.

Муха, сев на кроссовку, поползла по рыжим потекам грязи. Перебралась на джинсы. Доползла до коленки Агнешкиной и, обосновавшись на белом пятне вытертой ткани, принялась чиститься.

Агнешке бы тоже почиститься, чтобы смыть все это, вчерашнее-сегодняшнее, вернуться домой и переиграть. Помириться с Ядкой, остаться на ночь у нее, а не переться, сломя голову, на дачу.

Тогда бы не было ни темного силуэта на обочине, ни жалости к несчастному, потерявшемуся на дороге. Ни пистолета в лицо. Ни трупа. Ни этого отвратительного разговора, случайным свидетелем которому она стала.

– Что там? Много там. Про тебя. Про дружка твоего, про... эй! Трубку бросила, – последнее предназначалось Агнешке. Семен стоял в дверях, опираясь на косяк, и вертел несчастный телефон в руке. Надеется, что перезвонит? И тогда он продолжит торговаться – а он именно торговался, выбивая условия получше. А когда сделка состоится, Семен вместе с подельницей избавится от Агнешки.

– Ты что на меня так смотришь? Ну сволочь я. Точнее, не сволочь, но... а, долго объяснять. А ты ветеринар, значит? Кошечки-собачки?

– Коровки-свинки. Овцы еще.

– Коровки... слушай, извини, пожалуйста, что так вышло. Я тогда не в себе был. Совсем не соображал, чего творю. В голове одно – от тела избавиться надо. Остальное – автопилот.

– И что теперь?

Агнешке очень хотелось ему верить. Но он ведь врет. Он просто хочет, чтобы она поверила и стала послушной девочкой.

– Не знаю. Ну... хочешь, расскажу, как меня едва не убили?

А и вправду, что с ней делать? Отпустить? Донесет. С милицией Семен пока не готов разбираться, тем паче что его ночные экзерсисы не на одну статью потянут. Держать здесь? Но она девка сильная и решительная, чуть расслабишься – ударит. Опять же возникает продуктовый вопрос.

Может, заплатить ей? От аванса еще осталось. Если нормально заплатить, то... то никаких гарантий, что она, взяв деньги, не сдаст.

Но не убивать же ее в самом деле! Хватит с Семена трупов.

Он ведь только начал копать. Два дня ходил вокруг да около, не решаясь заглянуть в конверт, как не решался притронуться к деньгам. Прежде за ним такого не водилось. Прежде он всегда знал, что делать.

На третий день конверт все же открыл. Ничего особенного. Копия паспорта. Копия свидетельства о браке и второго – о рождении. Копия медицинской карты и карточки социального страхования. Несколько фотографий, в основном новых. И еще один конверт с адресом – поселок Кальянино, улица Ленина, дом 3. В конверте пусто, значит, важен адрес.

Пустой крючок, на который он, Семен Семенов, клюнул, аки оголодалый карась. Кинулся искать. Нашел. Поселок как поселок: стадо домов, вагончик-сельпо, приткнувшийся розовым боком к кладбищенской ограде, церквушка и пара мертвых коровников. Остов трактора, застывший при вокзальной будке.

Школа, куда Семен заглянул первым делом. Люди. Разговоры. Понимание бесполезности затеи – не помнили здесь Вареньку. Смотрели на фотографии – и на старые, и на новые – с одинаковым удивлением. Переулок. Дом в одичалом в саду. Выбитые окна, перекосившаяся дверь. Рыжая курица, окопавшаяся в горшке с сухой геранью.

Семен заглянул в дом, сугубо дабы успокоить совесть. Пустота, сырость и хлам, горы которого подпирали остатки шкафа. Запах гнили. Серая крыса, с писком ломанувшаяся под

ноги, – Семенов едва успел отскочить. Крыс он ненавидел. И по дому бродил осторожно, сожалая, что не додумался прихватить с собою палку. Вещей касаться брезговал, да и сомнительно, чтобы среди этой полугнили-полутлена нашлось что-то стоящее.

Выбирался из Кальянина с чувством бездарно потраченного дня.

Что до остального, то... Варенька, слезка, записи. Камень к камню. Легкое зудение совести – нехорошо подставлять женщину, с которой были отношения. И громкий голос разума, твердивший, что отношения именно были, а теперь кончились. И вообще, женщина сама виновата.

Она жила легко, как пламя на острове ножа. Плясала, не чувствуя остроты грани. Резала время тонкими ломтиками случайных связей. Щедро дарила фальшивое золото надежд. Рвала нервы и старые связи, чтобы выткать новые.

Кажется, ее хватало на всех.

Нет, Семен не осуждал. И не проникся сочувствием к Олегу. Он просто выполнял работу, отгородившись линзами фотоаппарата. Это не сложно. Смотришь. Снимаешь. Фиксируешь. Идешь по следу.

К концу недели набралось достаточно, чтобы позвонить Олегу. Назначенная встреча, на сей раз в квартирке, которую Семен арендовал под офис. Его опоздание – случай, совершенно точно случай. Открытая дверь. Свет за ней. Нехорошее предчувствие – ледяной лапой по спине. Шаг. И еще один по смятому ковру.

Хруст стекла под ботинками. Разбитый столик, сброшенная на землю полка, книги распластались, шелестя страницами. На ковре кофейные пятна. За ковром, прикорнувшись на кожаном диване, Олег.

Мертвый.

Семен сразу это понял. И растерялся. И даже хотел было позвонить ментам.

– И что тебя остановило? – поинтересовалась Агнешка, сунув в рот ветку от винограда. – Испугался?

– Испугался. Они бы начали копать, и что бы нашли? Что я спал с женой покойного. И значит, имел мотив. И что встречались мы с ним не так давно, выясняли отношения. Только недовыяснили. Ну это так бы выглядело! И кто бы поверил, что он нанял жениного любовника за женой следить?

Важный кивок. Пальцы почесывают длинную шею. Не верит? А он и сам себе не верит, потому что сейчас, озвученная, история выглядит еще более маразматичной.

– Я решил вывезти тело. Куда-нибудь, лишь бы подальше от офиса.

Струсил, Семен Семенов. Быстренько посчитал – разум разуменький в кои-то веки работал в паре с инстинктом, – что теперь за Варенькой следить смысла нету. Ей невыгодно светить любовников. Ему невыгодно светить любовницу. Про его с Олегом встречу, дай-то Бог, никто не знает.

– Это был шанс выйти сухим из воды. И не смотри так, можно подумать, сама бы к ментам кинулась.

А эта кинулась бы. Благопристойность на физии ее лошадиной написана вкупе с покорностью судьбе. Черт, угораздило же связаться...

– Значит, ты его сунул в багажник? – уточнила Агнешка, дожевывая ветку.

Сунул. Только предварительно обыскал, освободил от документов и собственной визитки, затесавшейся в бумажник. Потом завернул в пластик – благо, пригодилась хозяйская пленка для теплиц, рулон которой дремал на балконе. Помнится, еще планировал утречком на рынок заехать, купить на замену, чтобы совсем уж *чисто* было.

Машину подогнал к подъезду. Пока тащил – Олег, падла, тяжеленным оказался, – семь потов сошло, причем большей частью со страха. А ну как выглянет кто любопытный? Не

выглянули. Дали запаковать, отогнать от подъезда на асфальтовый пятак двора. Стал под фонарем. Закурил, чтобы успокоиться. А потом увидел Вареньку.

Белая тень, вынырнувшая из-за дальнего джипа. Идет-танцует, будто бы даже плывет над землею. Руки расправлены, белая шаль крылами развевается, а сумочка алая ее, со страшиками, раскачивается маятником. Гипнотизирует.

И снова растерялся. Не думал ведь, что это она убивала. Наоборот, испугался, что мириться пришла.

– А она подошла близко. Очень близко. Руку протянула. Уперлась в бок, я еще подумал, почему такие пальцы жесткие и холодные. Потом хлопок и больно. Если бы ты знала, как больно умирать!

Он хватался руками за дверцу, стоял, пытаюсь понять – за что? И упав, тоже не бросил этого вопроса. Вцепился в него, как собака в кость. И по-собачьи скулил, прижимаясь щекой к бархатным тувелькам. Над ее головой сиял фонарь – электрический нимб над золотом волос – и вилась мошкара.

– Почему она меня не добила, а? Решила, что сам?

Агнешка молчит, смотрит сочувственно, и за это вымученное сострадание стыдно становится: ты же, Семен Семенов, сам виноват во всем. И самому со всем придется разбираться.

– Я слышал, как она уходит. А потом вдруг совсем пришел в себя. Как щелкнуло что-то в голове.

И сил дало. И погнало за руль – ехал по карте, пробираясь проселочными дорогами, зажимая кровавую дыру в боку. А потом, когда машина застряла на берегу, понял, что не сможет сам избавиться от тела. И пополз искать помощь. Идиот.

Бонни и Клайд Разговор, которого не было

Что, мистер Шеви, интересненько стало? Рассказать о монетке? Могу и показать. Видите? Чувствуете что-нибудь? Ах нет... ну кто бы сомневался. Этот доллар особенный, он не каждому открывается. Мне вот открылся, судьбу изменил. До сих пор иногда спрашиваю себя:

– Что, Бонни, было бы, когда б ты Клайда не встретила? И что было бы, если бы Клайд не встретил Дьявола?

Да, да, мистер Шеви, я не шучу, пусть вы и улыбаетесь сейчас. Поверьте, когда вы однажды встретите Дьявола, сразу станет не до смеха. И да, я тоже видела его. Верно, решил глянуть, что за душеньку купил... что ж, надеюсь, он доволен.

Нет, мистер Шеви, я не плачу. Бонни Паркер плакать не умеет, это остальные рыдают, встретившись с нами. Правда, Клайд? Хмурится. Ему не по вкусу этот разговор, но я-то вам расскажу, чтобы было предупреждение. Кому? Да всем. Если, конечно, у вас хватит духу написать и про это.

Вы думаете, хватит? Я тоже на это надеюсь, иначе какой смысл?

А доллар подержите у себя. Теперь мне без него легче. Ненадолго, но все же... сама монета обыкновенная, такие раньше чеканили, но перестали: зачем изводить серебро, когда есть бумага? Она красивая. Вот тут голову видите? Клайд говорит, что я на нее похожа, но это не я, вот бы смеху было бы, когда б Бонни на деньгах рисовали. Это Дева Свобода, за которую наши предки боролись. Не мой папашка, алкоголик несчастный, но деды и прадеды.

Бороться-то боролись и победили, да только удержать не сумели. Вот вы, мистер Шеви, человек ученый. Скажите мне, куда подевалась свобода? Почему теперь разве что дышать можно, закон не нарушая? И то... ладно, мистер Шеви, на другую сторону гляньте. Орла видите? Белохвостый. Красавец, верно? Тоже символ. Мне вот нравится думать, что мы с Клайдом как две стороны этой монеты. Я – дева с венцом, он – орел белохвостый. И вместе мы свободны. Свободней, чем кто-либо в этом мире...

Я так думаю, а Дьявол хохочет.

Дьявол? Истый Дьявол, мистер Шеви. Тут Бонни правду сказала, потому как, поверьте, я всяких людей повидал, и трусливых, и храбрых до одури, и глупых, и умных, и таких, как я, и ученых, на вас похожих. Клайд в людях понимает, но этот...

Встретились мы аккурат после того, как Бака повязали. Сидел я тогда в забегаловке, сам с собою спорил, думал все, куда податься. Врать не стану – трясся со страху, словно хвост заячий. Все чудилось, дверь откроется и полиция войдет, по мою, значит, душу.

И вправду, дверь открылась, но вошел всего один человек.

Как он был одет? В плащ длинный, кожаный. С него еще вода струями стекала на пол, но никто, ни хозяин, ни официантка, в которой дурного характера имелось больше, чем весу, а весу было немало, не осмелились попросить его снять плащ. Сапоги еще были. Ковбойские, грязью заляпанные и подкованные так, что при каждом шаге подошвы клацали, словно мои зубы. Шляпа была. Старая, непонятного цвету и с полями обвисшими, с которых тоже вода лилась. Я еще, помнится, подумал успел: откуда вода? Я ж когда шел, то видел – чистое небо. Ни тучки, ни облачка.

А он уж сел за мой стол и, сдвинув шляпу на затылок, сказал:

– Привет, Клайд.

Откуда имя знал? Ну вы смешной человек, мистер Шevi. Он же Дьявол, ему имя узнать, что мне человека пристрелить. Да не дергайтесь вы, не буду я вас стрелять, шутил я...

Так вот, я ему в глаза только глянул и застыл. Холодные. Не синие, не серые – цвета болотной тины, такой, в которую если попадешь, то в жизни не выберешься. И я попал, барахтался, пытался держаться и тонул, а когда утонул, то не поверите – перестал бояться.

Да и чего бояться мертвецу?

– Теперь с тобою можно говорить, – сказал Дьявол, снимая шляпу.

И мы говорили. Я не помню о чем, но было мне весело. Прямо-таки дьявольски весело. Я хохотал, пил, не разбирая вкуса, но оставался трезвым, потому как мертвецу напиться не дано. Я ел и снова не чувствовал вкуса. Я дышал и опять же не чувствовал воздуха...

Все закончилось, когда Дьявол моргнул. А он мог не моргать очень-очень долго, но все-таки и он утомился смотреть на меня.

Так вот, значит, он моргнул, а я остался мертвым, захлебнувшись зеленой жижей его глаз. И потому ничуть не испугался дернуть его за рукав, потребовал:

– А платить?

– За что? – удивился он, поднимая шляпу, которая все время лежала рядом, но я почему-то совсем не помню его лица. Глаза только.

– За душу. Ты ж душу-то мою прибрал? Так вот плати!

Он не рассмеялся, не исчез, рассыпавшись пеплом. Он сунул руку в карман и вытащил этот самый доллар, который и швырнул на стол.

– Всего-то?

– Тебе хватит, – ответил Дьявол и, наконец, убрался в свою преисподнюю.

А я так и остался мертвым. Не верите, мистер Шevi? Думаете, набрался Клайд и привидел чего? Или приврал красного словца ради? А и ваше дело. Я-то знаю, что правду говорю. Я могу рассказать, каково это мертвым быть.

Нет, мистер Шevi, Клайд не врет. Он говорит, как есть, потому как я, хоть и видела того человека мельком, но подтверждаю – Дьявол он. Пускай без копыт и рогов, хотя как знать... Я-то в сапоги не заглядывала, и под шляпу тоже.

А встретились мы с ним аккурат через неделю после того, как я с Клайдом уехала. Городишко какой-то мелкий и грязный, полный сброду, на который теперь я, Бонни Паркер, могла глядеть свысока. Мы остановились там, чтобы передохнуть. Нет, ничего еще не планировали, просто чуяли – покой ненадолго. Домишко сняли на окраине. Дряхлый, прям как это бревно, и термитами поточенный. Ночью глаза закроешь и слышишь, как они за стенкой шебуришат.

Зато задний двор был просторный, свободный и соседи нелюбопытные.

Клайд принес пистолеты, сказал:

– Учись, малышка.

Я и училась. Очень мне это дело по душе пришлось. Станешь у стены, напротив банки консервные, которых в доме гора нашлась, выставишь. И целишься, целишься, пока руки от тяжести не задрожат. Потом, уже почти сорвавшись, поднимаешь дуло чуть вверх и на спусковой крючок пальчиком. Ласково, как будто живой он...

Бах-бах! Банки слетают. Ты визжишь от радости и оттого, что кровь почти кипит... и замерзает, потому что на тебя смотрят. Кто? Да он и смотрит. Дьявол. Стоит за оградой, опираясь на перекладину, и глядит.

Какой из себя? Ну... В плаще был, правда не в мокром, а сухом, оттого и видно, что старом, вытертом местами до белизны. И сапоги видела, грязные и почти разваливающиеся-

еся, один так вообще веревкой перетянут. И шляпу помню. Как же ее не запомнить-то? Надвинута на самые глаза, поля обвисли, а верх, наоборот, торчит, словно подпертый.

Не смейтесь, мистер Шеви, может, и рога там были. Мне тогда совсем не до смеха стало.

– Подойди, – велел он, и видит Бог, что в тот момент Бонни вспомнила все молитвы, которым ее матушка учила. Не помогло. Ноги мои сами к нему шли, и руки вдруг ослабели, а в голове стало пусто-пусто, как в пересохшем колодце.

Да, мистер Шеви, Бонни испугалась. Да, она знала, что в руках у нее парочка револьверов, как знала и то, что стоит Дьяволу захотеть, и свинец нежно поцелует саму Бонни.

– Ну же, девочка, неужели ты настолько меня боишься?

А глаза у него, мистер Шеви, вовсе не зеленые. Бурые они, как гнилая листва, как кофе, который варят в самых отвратных кафе, как коровья шкура, заросшая коростой навоза, как... как грязевая трясина. И я тоже в ней утонула. Сразу. Я понимала, что умираю, и радовалась, что смерть моя быстра.

И когда Дьявол, насмотревшись, отвернулся, я спросила:

– А что ты дашь за мою душу?

– Сама выбирай, – ответил он.

Я выбрала. Что? Нет, никакой это не секрет, это ж не детская сказка, когда сказанное вслух желание нипочем не исполнится. Дьявол играет серьезно.

Я взяла монету. Этот самый доллар старины Моргана, который, верно, знать не знает, что доброе серебро и Дьяволу по нраву. Я сжала его в ладони. Сильно. Так, что чувствовала кожей рисунок. Он еще долго потом держался, не то отпечаток, не то клеймо настоящее. Я закрыла глаза и...

Я загадала, чтобы Бонни и Клайду везло. Всегда и во всем.

Почему везение? Ну а что еще? Богатство? Свобода – наше богатство, ее не отнять. Деньги же... у кого есть смелость и пистолет, у того есть и деньги. Силу? Мы и так сильные. Долгой жизни? У меня она могла быть там, в кафе. День за днем, год за годом, унылое старение и нытье о несбывшихся мечтах. Видите, мистер Шеви, и у вас закончились варианты.

На самом деле их не так и много, уж поверьте Бонни.

Что произошло? А ничего. Не было ни грома, ни молний, ни дрожания земли. И солнце не гасло, и луна вечером выползла, как ей и полагается. И кошмары мне не снились, и предчувствия душу не терзали. Как им терзать, когда нету души? Веселая шутка, правда? Нет? Ну вы сейчас вдруг очень серьезным стали, мистер Шеви, прежним-то вы мне больше по нраву были.

Так вот, просто уверенность появилась, что нам теперь, чего б мы ни делали, всегда везти будет. Дьявол, он слово свое сдержит.

Вот только надолго его не хватит...

Еще тогда я начала писать стихи. Хотите, вам почитаю?

Интерлюдия 2

Бонни сидела у костра и задумчиво жевала кусок ветчины. Взгляд ее был обращен вроде бы на огонь, но Клайд мог поклясться, что подружка не видит пламени. Опять стишки кропает.

– Давай уже, – он не выдержал, когда очередной лист полетел на траву. – Читай. Она всегда так, прочитает и успокоится. Ей надо писать, как ему надо стрелять.

*Они не считают себя слишком жестокими,
Они знают, что закон всегда побеждает.
В них стреляли и прежде,
И они помнят, что смерть – наказание за грех.
Когда-нибудь их убьют вместе
И похоронят бок о бок.
Это будет печаль для немногих,
И это будет облегчение для закона,
И это будет смерть для Бонни и Клайда.*

Бонни читала торопливо, как скороговорку, и старательно не глядела на Клайда. Стесняется? Чего уж тут стесняться. Ведь понимает же, что он понимает, зачем ей стишки. Легче становится, уходит пустота внутри, которая появилась, стоило взять в руки чертову монету.

Взять и не выпустить, потому как даже во снах редких она с Клайдом. Тяжелая. Холодная. Или горячая. Всегда особенная.

*И если когда-то погибнуть придется,
Лежать нам, конечно, в могиле одной.
И мать будет плакать, а гады – смеяться.
Для Бонни и Клайда наступит покой.*

Про покой она верно сказала, только разве даст кто успокоиться? Бежать. Не столько от копов и пуль, сколько от себя же, потому что остановишься и первые пару деньков вроде нормально все, а потом начинается... точно толкает кто-то в спину, шепчет на ухо, сует в руку стволы, доводя до бешенства непонятным, несбыточным желанием.

– Ну как? – спросила Бонни, складывая лист.

– Нормально вроде.

В огонь не швырнула. Странно, обычно палит, а этот оставила. Ну и пускай, ей виднее.

Варенька ходила по дому. Ей здесь не нравилось – слишком роскошно и слишком бестолково. Неуютно. Французские окна, английские гардины, итальянские стулья, испанские обои и голландской ковки светильник. Полный интернационал, от которого Вареньку если не тошнит, то уж точно подташнивает.

Она со вздохом упала на диван и, закинув ножки на подлокотники – светлая кожа с золотым тиснением, – устала на люстру. До чего же уродлива! Железные рога, проросшие редкими шишками-лампами.

Заменить. Все заменить! Стереть, как будто ничего и не было! Теперь Варенька сможет... если не теперь, то очень скоро.

– Значит, вы не знаете, где Олег Георгиевич? – ее собеседнику надоело изображать статую. И тоном дает понять, что считает подобное поведение недостойным. И неприемлемым. И еще каким-нибудь «не».

Он сух и суров. Железный сверчок в костюме английского сукна.

– Понятия не имею.

На его лице застыли брезгливость и отвращение.

– Олег Георгиевич никогда прежде не исчезал, не оставив инструкций о... – скрипучий голос. Красные ладони трутся друг о друга, и рукава костюма – жесткие надкрылья с глянцевым блеском – трескаются складками. Неужели этот человек не видит, насколько он мерзостен?

Вот бы Антошке его показать! Нарисовал бы? Кем? Не шутю – шут уже занят. И король тоже. А вот рыцарем... рыцарь-сверчок. Интересно.

Варенька даже села, уставилась на собеседника, отчего тот – вот чудо – смутился.

Треугольное лицо с высоким и широким лбом и острым подбородком, на котором серой черточкой выделялись губы. Глаза огромные, круглые и выпученные. А бровей как будто и нету, до того светлые.

Волосы прилипли к черепушке – чем не шлем? И только на затылке топорщились забавным хохолком – плюмаж?

– Знаете, Сережа, а я вот подумала, что вы правы, – Вареньку позабавило то, как он вздрогнул и отвернулся. – Он и вправду никогда не исчезал, не оставив инструкций. Олега обязательный.

– Да.

– И я начинаю опасаться, как бы не случилось чего-нибудь плохого. Понимаете?

Понимает. Дергается, пытаясь собрать членистые конечности, заслониться ими от Варенькиного обаяния. Не выйдет, дружок. Слишком ты... заинтересован.

Она подалась вперед, почти сползла с дивана, упав коленями на ковер – Персия? – протянула сложенные руки, прошептала:

– Я не переживу, если с ним... если он...

Попятился. Вжался в кожу кресла, словно опасаясь, что Варенька ненароком коснется. А блеклые щеки вспыхнули. Ну же, рыцарь-сверчок, сделай что-нибудь. Подними даму с колен.

– Мне бы хотелось, чтобы вы немедленно занялись этим делом.

– Д-да.

– Олега надо найти. И поскорее!

– Да.

Он встал и в два шага – ноги-то длиннющие, что ходули, – оказался в другой части комнаты. Откашлялся. И нормально уже произнес:

– Варвара Алексеевна, прекратите это...

– Что? – она все-таки поднялась, но преследовать не стала. Потом как-нибудь. Если настроение еще будет.

– Все. Ваши шутки на меня... не действуют.

Неужели? Что ж ты тогда запинаешься, а? Ну да сейчас Варенька готова подыграть. Она смутится и потупит взор. Опустит плечики и, может быть, закроет лицо руками. Пусть думает, что ей стыдно.

– И Олега Георгиевича я найду. Обязательно. И если с ним что-то случилось...

...то хозяйкой в доме будет она.

– ...то я обязательно разберусь, что случилось и по чьей вине. Понятно?

– Конечно, Сережа. Твоя решительность не может не радовать. Но могу я помочь хоть чем-то?

– Можете. Если вас не затруднит, предоставьте список ваших... любовников.

А вот это уже наглость. Варенька с наслаждением швырнула в рыцаря-сверчка вазу. Конечно, промахнулась, но тот, пользуясь предлогом, нырнул за дверь. Затаился.

Сволочь! Ненавидит! Всегда ненавидел, с самой первой встречи. А Олег еще смеялся, говорил, дескать, у собаки должен быть один хозяин.

Ей бы тогда призадуматься, но нет, решила – блажит благоверный, ну и бес с ним. А он не блажил, он готовил почву, чтобы от Вареньки избавиться.

Сначала Сергей и служба охраны – да кому ты нужен, Олежка, Георгиев сын? Потом Семен, на хвост севший. А дальше что?

– А ничего! – Варенька, застыв напротив зеркала – Англия? Америка? – поправила прическу. – Ни-че-го! Я первая успела, слышишь ты?

Последнее шепотом: этому дому веры не больше, чем Олегу. Но настроение улучшилось.

А списочек подготовить стоит. И не только любовников, но и любовниц. Пусть Сереженька, раз уж ему так хочется, копается в белье. Авось, и угомонится в кои-то веки.

Веки Семена дрожали, губы шевелились, но бормотание сонное было неразборчиво. Агнешка вздохнула и пощупала лоб. Вроде холодный. Значит, просто кошмар.

– Н-нет! Н-на... стрляй! – попросил он, хватая за руку. – Пжлста.

– Не буду, – пообещала Агнешка, переворачиваясь на другой бок. От холера! Теперь этого недокиллера еще и жалко! Невиновный он... может, и вправду невиновный?

Ну да, невиновный. Конечно. Труп он вывозил? Вывозил. В болоте топил? Топил. Агнешку похитил? Похитил. И кто он после этого, а?

И главное, что ей делать?

Ядка, верно, с ума уже сходит... и на работе тоже... хотя нет, на работе-то все просто. Буйволенто первый день хмуриться будет. Второй кряхтеть. А на третий, покраснев рожей, рявкнет, чтоб приказ об увольнении готовили.

Вот! Из-за этого детектива она теперь и безработная.

Агнешка испытала острое желание придушить идиота, но сдержалась. Во-первых, его смерть ничего не даст – ключик-то по-прежнему под печкой. Во-вторых, она – точно не убийца.

И что остается? Мысль была. Назойливая, как здешние мухи. Бестолковая. И в то же время вполне симпатичная.

С нею Агнешка и заснула. А проснувшись – солнце встало, лизнуло веки светом, – ухватилась за идею с новыми силами.

Семен тоже встал, отполз к печке и, выковыряв из дыры ключ, задумчиво его разглядывал.

– Отпустишь? – с надеждой поинтересовалась Агнешка, сдерживая зевоту. Зевота не сдержалась.

Семен мотнул головой и сунул ключ в банку. А банку вернул на полочку. Пистолет же отправился за пояс.

– Я в магазин. Чего тебе привезти?

Мозгов, если думает, что Агнешка такая дура, что поверит. В магазин... конечно, сядет в машину и свалит. А ей в домике этом оставайся, жди неизвестно чего. Если вообще в итоге дождется. Может, он полный псих и убить не в состоянии, а вот уехать и забыть... она умрет от голода и жажды, в тоске, одиночестве. Будет кричать, пока не осипнет, рвать цепь и, отчаявшись, грызть руку.

– Эй, ты чего? Ты не... ты стой! Не подходи! – Семен попятился, выставив пистолет, и предупредил: – Выстрелю!

– Стреляй!

Агнешка до того ярко нарисовала картину собственной будущей смерти, что совсем перестала бояться пистолета. Пуля в голову милосерднее.

– Да я вернусь, – кажется, Семен сообразил, в чем дело. – Честно вернусь! Ну послушай, мне идти больше некуда. И ты мне нужна. Перевязывать. Мне ж к врачам соваться не с руки...

Поэтому и держишь на цепи собственного ветеринара.

– У меня к тебе предложение, – сказала Агнешка, примиряющим жестом поднимая руки. – Я тебе помогаю найти настоящего убийцу, а ты меня отпускаешь.

Он хмыкнул.

– Ну сам посуди. Тебе нужен помощник. Хороший, надежный и...

– Именно, надежный.

Ну да, не верит. Агнешка и сама бы не поверила. Но с выбранного пути не свернула:

– Ты сам ненадежный. Ты крови потерял столько, что... что в любой момент можешь отключиться. Раз – и все. А там «Скорая» и больничка, которой ты так избегаешь. Или вообще сразу кома и смерть. Что тогда со мной будет? А?

Хмурится. Рукой повязку трогает, словно это что-то дает.

– Да, верю, что ты сейчас почти нормально себя чувствуешь. Ты же отдохнул, отлежался. Да только хватит силенок твоих на час-полтора от силы. А дальше я тебе сказала, что будет. Поверь дипломированному...

– Ветеринару, – буркнул он. Но глядел теперь чуть-чуть иначе. Самую малость, но Агнешка воспряла духом.

– И второй момент. Формально я твоя соучастница. Я помогала прятать тело, – она загнула палец. – Я привезла тебя сюда...

– Под дулом пистолета.

– И оказала медицинскую помощь. Причем безо всякого дула. Я могла вообще не говорить, кто я и чего умею.

Уф, какой же он упрямый! Прямо злости никакой не хватает. Думает-думает, прямо видно, как за лбом его покатым мысли шубуршатся, точно мыши в норе. Знать бы еще, до чего дошубуршатся.

– Послушай, ну мне и вправду не в кайф тут сидеть. Да и ты все время рядом будешь. С пистолетом.

Он медленно кивнул. Согласен?! Согласен!

Агнешка смотрела на дорогу, Семен на Агнешку. Профиль у нее даже красивый. Слегка тяжеловатый и резкий, особенно линия подбородка, но все же...

– Налево, – сказал он.

И авто выбралось на дорогу. Под колесами радостно зашуршал гравий, брызнул в стороны, и Семена слегка вдавило в сиденье.

Сам бы он не справился. В этом все дело. Малейшее усилие отзывается болью в боку, а левая рука, напротив, онемела, даром что пистолет в правой. Отключится? Что ж, Семен охотно верил, что будет отключаться, и не раз. И что какое-то из этих отключений больницей закончится. Но без своей ненадежной союзницы он и до магазина не добрался бы.

– Расскажи мне о ней, – попросила Агнешка, поворачиваясь. Нахмурилась. Спросила: – Ты нормально? Жара нет? Озноба?

– Нету. За дорогой следи. А рассказывать... да нечего рассказывать.

Но лучше уж рассказ, чем Агнешкин интерес к его здоровью.

Варвара Алексеевна Кузькина – фамилия девичья – появилась на свет двадцать пять лет тому в поселке Сивые Лапы в семье деревенского библиотекаря и агрономши. Росла.

Училась. Закончила местную школу с золотой медалью и иллюзиями, каковые и привели дитя в областной центр.

Там Варвара Алексеевна провела два года в смутной надежде осчастливить местный вуз новой студенткой, но вместо этого осчастливила местную забегаловку новой официанткой. Неизвестно, как сложилась бы жизнь, если бы однажды отчаяние и неустроенность жизни не привели Варвару Алексеевну на мост. Надо сказать, мост был высоким и красивым, а речушка, под ним протекавшая, мелкой и грязной. Но это девушку не остановило.

Она решительно перебралась через перила и ласточкой сиганула вниз. Ей повезло не разбиться о берег, не напороться на сваю или трубу, которые в великом множестве утыкали дно речушки, не захлебнуться, а главное – привлечь безрассудностью поступка внимание проходившего мимо Олега Георгиевича Кавушкина. Последний, будучи хмелен и лих, ринулся спасать утопленницу.

Спас.

Был очарован.

Женился.

В чем потом неоднократно раскаивался.

Жизнь семейная дала трещину не сразу, а когда все же дала, оказалось, что молодая супруга уже в курсе многих тайных дел Олега Георгиевича и при разводе имеет возможность сильно напакостить. Настолько сильно, что Кавушкин предпочел смириться с ситуацией.

– Что изменилось? – спросила Агнешка, останавливая машину. Слева виднелась будка деревенского магазинчика, у которой уже толклась разномастная бабья стая.

– В смысле?

В магазине была еда и вода. А пить хотелось. Зверски хотелось пить.

– Если он мирился, тогда почему нанял тебя? А если не мирился, то почему нанял только теперь? Понимаешь?

Нет. Сейчас Семену хотелось не понимать, а пить. Водички. Холодненькой. Сладенькой. Много. Чтобы хватило разлепить ссохшиеся вдруг губы, и по языку прокатилась, коснулась растрескавшихся от засухи десен и...

– Пойдем, – вздохнув, сказала Агнешка и выбралась из машины. Прежде чем Семен успел возмутиться – она не должна выпасть из его поля зрения, – Агнешка оказалась с другой стороны машины и буркнула: – Ствол спрячь.

Бабы у магазина уже всюю шушукались, пересмеиваясь. Агнешка же легко, словно ребенка, подняла Семена. Поставила. Сунула руку, позволяя вцепиться в локоть, и мстительно поинтересовалась:

– Видишь, я же была права! Ты без меня не сможешь.

У него хватило сил лишь на то, чтобы кивнуть.

Варенька решила сбежать из дому, но решить оказалось проще, чем сделать. Двое, приставленных Сергеем – вот цербер же! – оказались проворны и слишком тупы, чтобы испугаться ее угроз. Или, наоборот, умны? Их лица – красные круги над белыми воротничками – не выражали ничего.

Люди-големы.

– ...и будьте любезны, постарайтесь проявить немного вкуса, – капризно сказала Варенька, покачивая ножкой. Пол со стеклянными звездами ламп отражал совершенство узкой ступни, хрупкой щиколотки, в меру крепкой и полной голени. И впадинку под коленкой.

Какой коварный пол! А големы уставились на собственное отражение. Им будто бы все равно, хотя на самом деле устали. Варенька чувствовала их раздражение, упрямое под броней пиджаков, и возмущение, и непонимание.

Подали туфельки. Примерили. Подали зеркальце. Подали чай. И снова туфельки. Зеркальце. Чай. Капризы. Голос должен быть раздражающим, чтобы и у продавцов, и у големов сводило скулы от ненависти. Ничего, Варенька вас тоже ненавидит.

Просто так.

И продолжает играть.

Потом еще бутик. И еще. Салон красоты и... маленькая дверца в массажной комнате. К тому времени големы будут слишком на взводе, чтобы не воспользоваться возможностью перекурить.

Человек-сверчок разозлится на них. Или нет? Можно потом вернуться тем же путем, и тогда никто не узнает...

А эти туфельки были милы. Ярко-красные с округлыми носами и тупыми, чуть скошенными каблуками, на которых блестели золотом крохотные бабочки.

– Возьмите, – указала Варенька на пакет. И из вредности купила еще две пары. Одна препрошлейшая, надо будет подарить кому-нибудь... к примеру, Олежковой любовнице.

Той самой, из-за которой он устроил балаган.

Он сам виноват в своей смерти.

Узнать бы еще, кто его убил.

Из бутика Варенька выходила в состоянии задумчивом и даже рассеянном. Случайная мысль о пассии мертвого мужа – кстати, потом, когда узнают про смерть, надо будет заехать за теми черными туфельками от Christian Louboutin – расстроила.

И притворяться стервой не пришлось. Само получилось. Но стоило выскользнуть за дверь – големы, как и ожидалось, остались в холле – и злость исчезла.

Купив в ближайшем магазинчике мобильный с картой, Варенька набрала по памяти номер и ласково пропела:

– Привет, Семен. Соскучился? И я подумала, что соскучился. Давай встретимся, а? Нет, ну что ты... нет, я предлагаю договориться. Именно. Ты мне, я тебе. Скажи, что ты хочешь? Точнее, сколько? Я теперь богатая женщина. Очень богатая. И должна тебе сказать спасибо. Как за что? Ты же меня вдовой сделал! Нет-нет, Семен, мне чужих заслуг не надо. Мне своих хватит. Так когда и где? И сколько?

– Не говори, что ты собираешься с ней встречаться! – возмущению Агнешки не было предела. Ну подумать только, до чего глупы мужчины! Во всяком случае именно этот конкретный мужчина, который не так давно почти лежал на сиденье, постанывая на ухабах, а теперь рвется в бой, как боевой жеребец при звуке горна.

А жеребец и есть. Любовница бывшая свистнула, поковыряла пальчиком в раненом самолюбии, и пожалуйста, готов на все, чтобы доказать, что круче бабы.

Идиот крапчатый.

– Теперь я знаю, чего от нее ждать, – ответил Семен, прижимая к груди бутылку кваса.

– Неужели?

– Предлагаешь не идти?

Предлагает, но сомневается, что Семен послушает. Агнешка закусил губу и уставилась в зеркальце. Думала она недолго, потому как выход виделся один и размышления в большей степени касались того, как представить этот выход Семену.

– Вместо тебя пойду я.

Он фыркнул.

– Тебя она убьет. Не знаю, чем ты не угодил, но если стреляла один раз, выстрелит и второй. Для этого и на встречу зовет. И потому предложила самому цену назвать. Все равно платить не собирается. Следовательно, что?

– Что? – послушно повторил вопрос Семен. И посмотрел как-то странно, словно впервые увидел.

– Следовательно, идти должна я. Как посредник. Все логично. Ты опасаясь встречи, не доверяешь ей, а потому нанял меня.

– Так сразу и нанял?

– Да. Должна же я выгоду получить от того, что твоей сообщницей стала. Так вот, ты нанял меня для переговоров и обмена...

Фантазерка. И авантюристка. Глаза блестят, на щеках румянец. А может, действительно пустить ее? Пусть прощупает почву...

Сбежит. Воспользуется шансом сказать Семену «до свидания».

– Не сбегу, – возразила на невысказанные сомнения Агнешка. – И вообще назначь встречу в каком-нибудь таком месте, где бы мог видеть меня из машины. Сядешь за руль. И если что...

– Ты не знаешь Вареньку, – слабый аргумент, но хоть как-то Семен должен воспрепятствовать.

– Не знаю, – охотно согласилась Агнешка. – Вот и познакомлюсь. Заодно и присмотрюсь к твоей... Вареньке. Тот конверт у тебя? Дай.

Семен отдал. Ему было интересно, что она станет делать с бумагами. Распаковала, вытряхнула на колени белым ворохом. Несколько, соскользнув, упали на пол. Агнешка потянулась за ними и сбросила еще пару. Подняла. Уронила. Перепутала.

– Извини.

Листы выскальзывали из неловких пальцев, и Агнешка краснела. Злилась, что читалось по сомкнутым губам и красным пятнам на носу.

– Давай, может, дома посмотришь? – предложил Семен, помогая сгрести разлетевшиеся листы в кучу. – Там стол есть. Удобнее будет.

Зыркнула. Кивнула. Но конверт не отдала. Опасается, что Семен заберет?

– А то на нас уже внимание обращают.

И ведь не соврал. Рассевшись на скамейки, словно на жердочки, бабы пялились на машину, изредка перекидываясь друг с другом фразочками, за которыми следовали взрывы смеха.

– Запомнят. Настучат участковому... или ты этого добиваешься?

Она вскинула голову, резанув взглядом.

– Я не... – объяснить не стала, взяла с места резко. Из-под колес пырнул мелкий камень, разгоняя кур и двух дворняг, возившихся в пыли. Бабы загомонили, замахали руками, точно прощаясь и с машиной, и с пассажирами.

Агнешка вела одной рукой, другой пытаясь засунуть конверт за пояс. А когда не вышло, сунула его себе под задницу. Ну тоже вариант.

Добравшись до перекрестка, она притормозила, буркнув:

– В аптеку бы. Тебе антибиотики нужны.

– А продадут без рецепта?

– Те, которые реально помогут, вряд ли.

– Тогда смысла нет.

Мгновенное искушение – зачем рецепт, когда пистолет имеется – и отказ: если с убийством есть еще шанс разобраться, то от грабежа отмыться не выйдет.

– Ты умрешь, – злобно сказала Агнешка, вырuling на песчаную дорогу. – Потому что упрямый. И бестолковый. И у тебя дыра в боку...

– А еще пистолет и наручники, – подсказал Семен, пытаясь сесть так, чтобы треклятый бок ныл поменьше. – Ты аккуратнее, а?

Как ни странно, послушала.

А до Вареньки получилось дозвониться с первого раза. Она вздыхала, сопела, отнекивалась, а потом взяла и согласилась на встречу в указанном Семеном месте. И кажется, обрадовалась. Неужели и вправду добить хочет? Место-то подходящее, безлюдное, тихое...

Но если так, то Семен не имеет права пускать на встречу Агнешку. Слишком опасно.

Агнешка сидела на полу, сунув под зад одну из грязных подушек, и раскладывала по стопкам бумаги. Изредка она дергала за цепь, словно проверяя – не исчезла ли. Нет уж, сообщники сообщниками, а цепь цепью.

– А ты его не проверял? – Агнешка закусила кончик листа. – Олега?

– Зачем?

Лист раскачивался, и вид у Агнешки был презабавный. Семен бы посмеялся, если бы не так больно было.

– Затем, что он решил избавиться от жены. Столько лет терпел, а тут вдруг... – она рассортировала документы по одной ей понятной схеме. – Почему? Потому, что у него кто-то появился. Кто-то такой, ради кого можно пойти на риск. Кто-то такой, кого бы Варенька испугалась настолько, чтобы решиться на убийство.

Она подтянула ноги к груди, накрыла руками и сгорбилась, упираясь подбородком в сложенные ладони. Смотрит выжидающе. Одобрения ждет? Семен готов одобрить. Ему самому следовало бы додуматься.

– Любовница?

Агнешка пожала плечами и не очень уверенно ответила:

– Скорее всего. Смотри, если бы все как раньше, Вареньке достаточно было пригрозить ему или тебе. А она сразу убивать. Только опять же странно все это. Если хотела повесить убийство на тебя, то зачем стреляла? Не понимаю.

– Я тоже, – честно признался Семен.

– А еще конверт пустой. Если он лежит, то что-то значит. Как ты думаешь?

Никак. Семен не думает – он знает, что за конвертом скрывается тишина заброшенного дома и такой же заброшенной памяти. Ложный след.

– Или ты что-то пропустил, – Агнешка решительно сгребла бумаги и, указав на свой чемодан, велела: – Неси. Тебя перевязать надо. И решить, что делать дальше.

Ничего. На встречу Семен поедет сам. Он так решил.

Бонни и Клайд Разговор, которого не было

Что я почувствовал, впервые убив человека? Да сначала ничего, а потом... потом будто ощутил вдруг вкус выпивки. Ты, мертвец, ожил ненадолго. Сердце трепыхнулось, застучало. Кровушка побежала по жилам. Голова затрещала от боли, правда, недолгой. Нет, этого не расскажешь, чтоб понять, каково это ожившим быть, нужно сначала издохнуть.

Видели б вы сейчас свою рожу, мистер Шеви. Прямо смешно смотреть, до чего брезглива. Ну да, такие уж мы с Бонни, чего ж теперь-то? Плакаться? Пускай другие плачут. А Клайд станет веселиться.

Клайд – чемпион!

Видели небось мое письмишко? Я его от души написал, поблагодарил человека за доброе дело и хорошую машину, а уж Генри сам это письмишко по всем газетам рассовал. И скажу я вам, что лучшей рекламы он и придумать не мог!

А мне что? Мне не жалко. Ведь хорошая ж машинка, или вы со мной спорить станете? Нет? И славно. Спорить с Клайдом – дело тухлое.

Нет, про убийство я рассказывать не стану. Не хочу, и все. Вот, точно Бонни говорит, моментец неподходящий. Могу рассказать про других, кто со мной поехал.

Бак... ну Бак пока сидит, поддался на уговоры бабьи и в полицию пошел. Исправиться он хочет. А натуро-то не выправишь. Вернется Бак из тюрьмы – и ко мне. Вот увидите!

Блани его – девка, конечно, славная, но из другого теста. Ей нас не понять, а нам не понять ее. Чего хорошего в тухлой жизни? Ну да я зла не держу, и пусть она на меня не сердится, мы с Баком как-нибудь сами, без бабья разберемся. А так-то я за ней приглядываю, чтоб не обижал никто. И Бонни она по нраву, потому как тихая, домашняя.

Вот малыш Джонси, мы его случайно прихватили с собой, думали, что на денек-другой, а вышло иначе. Ну да Вилли не в обиде, ему с нами хорошо.

Еще Рой Гамильтон есть. Ну был, а потом от нас отошел, и сами видите, чего получилось: попался копам. С Клайдом ему везло, а когда свалил, то и везенье сразу закончилось. Ну я не в обиде, я старому дружку помогу. И не потому, что так уж Гамильтона люблю – скотина он редкостная, – а потому, что он в Истхеме сидит, а туда попасть я никому не пожелаю.

Ничего, придет срок, и ввалим мы копам. Ответят по полной. Вот вроде и все. Может, еще кто прибьется, так я ж не гадалка, чтоб будущее видеть. Но главное-то вот в чем. Люди приходят и уходят, их право, Клайд силой никого держать не станет, да только мы с Бонни навеки друг с другом повязаны. Вот так-то, мистер Шеви.

Ох, про ограбления рассказывать? Про которое? Я, говоря по правде, все и не упомяну, столько их было-то. Снова кривитесь. Вот скажете, вы ж на войне-то не были? И я тоже, но я про другое говорю. Почему, когда на войне убиваешь, это нормально, а когда тут, то сразу вой поднимают? Что? Мир? Права? Да срать я хотел на их права, как и они на мои. А мира никогда не было и не будет.

Мир – это когда всем поровну, а не когда одни другим подачки в зубы швыряют, откупаются. Нет, мистер Шеви, я не коммунист, вот вечно вы что-нибудь разэтакое да придумаете. Я просто человек, которому надоело, что об него ноги вытирают.

И Бонни такая же.

Мы молоды и сильны. Ненадолго? Ну и пускай. Сколько ни есть, а все наше. Правда, Бонни? Видите, она меня понимает.

Мы, если хотите знать, две стороны одной монеты. Той самой, за которую нас и купили.

А с ограблениями... ну не лезли мы туда, где нарваться можно, тут уж везение или нет, но когда в голове пусто, даже Дьявол не спасет. Мы точно знали, что если в большой банк сунемся, то на пороге и поляжем. Большие банки серьезные ребята пасут. А вот если помельче, то тут и раздолье.

Поначалу мы даже в мелкие не совались. Так, по магазинчикам и бензоколонкам гуляли, на них-то всегда есть чем поживиться. Немного? Ну так мы и не жадные. Пусть Диллинджер гремит мощной на все Штаты, а Бонни и Клайд из другого теста. Деньги-то на тот свет не возьмешь.

В общем, мы просто ехали. Ну да, просто брали и ехали. Какие планы? Я ж говорю, Клайд – чемпион, а не бухгалтер! Начнете вы меня слушать или нет? Вот и хорошо. Молчите. Вы когда молчите, то особенно мне нравитесь. Ну значит, ехали мы и ехали. Потом останавливались где-нибудь, ну просто когда появлялось желание остановиться...

– Будто пихал кто под локоть. Смотри, Бонни, вон местечко подходящее. А я уже Клайду говорила.

– Точно. Говорила она. И чтоб вы знали, то ни разочку не ошиблась. А дальше как когда. Когда Бонни шла «привет» говорить, когда я. Я-то сначала не хотел ее за рулем оставлять, ну сами понимаете, порою смазывать пятки приходилось, а тут не сам за рулем. Но потом ничего, по привычке. Бонни, она талантливая. И с машиной, и с револьвером управляется на раз.

Убивали мы? Сложный вопросец. Сказать «нет» не могу, потому как враньем будет, а сказать «да» – неправильно. Вот случится, что в вас стреляют, разве ж не будете вы стрелять в ответ, чтобы выжить?

Вот и мы выживали.

Два ручья, перекрещиваясь друг с другом, как шпаги, разрезали долину на неравные сегменты. На одном чернел продымленный хилый ельник, на другом разноцветными кубиками лежали дома, на третьем носился по полю ветер, рисуя рябью по высокой траве. Четвертый же представлял собой искусственную насыпь, с которой сползала бугристая, в валунах дорога. По обе стороны ее волшебными палочками торчали фонари, и желтые набалдашники их разбрызгивали тусклый свет, добавляя обочинам теней.

Пожалуй, Вареньке здесь нравилось. Она сидела на лавочке, листала журнал и старалась не смотреть на часы. Опаздывает Семен? Ему же хуже.

А если совсем не придет?

Сердечко в груди ойкнуло и замерло. А в следующий миг у подножия холма мелькнули фары. Автомобиль полз медленно, раскатывая колесами булыжник и Варенькины нервы. Черная туша переваливалась с боку на бок, скрипела, урчала, отфыркивалась грязью из редких луж. Остановилась.

Варенька сунула руку за пазуху.

Дверца водителя открылась, и салон на миг затопило ярким светом, который, однако, очень быстро погас.

Варенька нащупала рукоять пистолета.

Водитель прыгнул на землю.

Варенька потянула пистолет из кобуры.

Водитель решительно направился к лавочке.

Варенька опустила пистолет. Поднялась, расправила складки на юбке и сухо спросила:

– Ты кто?

– Агнешка, – сказала кобылообразная девица, разглядывая Вареньку с насмешкой. – А ты, стало быть, Варвара?

Варенька ненавидела это имя. И злилась. Прямо-таки кипела. Сволочь! Обманул! Подсунул вместо себя это... эту...

– Будем знакомы, – сказала девка, протягивая широкую ладонь. Кожа у нее оказалась сухой, жесткой, с крапинами мозолей. Убожество какое! Ну разве у женщины могут быть подобные руки?

И подобные плечи?

И подобный рост?

– А где Семен?

Улыбается. Улыбка у нее тоже мерзкая. И рука сама тянется к пистолету. Нет. Нельзя. Если убить ее, Семен сбежит. Семен важнее.

Хитрый подранок.

– Семен болеет, я за него, – вежливо ответила девка, плюхнувшись на лавку. Шлепнула ладонью по дереву и предложила: – Садись. Поговорим. Зачем ты в него стреляла?

Значит, так, да? Рассказал обо всем. Подстраховывался, создавая свидетеля? Ну и дурак. Варенька знает, как нужно поступать со свидетелями. Сначала умрет Семен, потом кобылица.

От подобных мыслей стало легче, и Варенька, сев на лавочку, мурлыкнула:

– Испугалась. Понимаешь... – Долгий взгляд, глаза в глаза, чтобы искренность доказать, а на самом деле прощупать эту, нежданную-негаданную. Ненужную и даже вредную. – Он убил моего мужа.

Не верит. Впрочем, ее проблемы.

– А Семен говорит, что ты сама убила своего мужа.

Лжец! Но Варенька готова сыграть и в эту игру.

– Я? Зачем мне? Сама подумай. Живой Олег мне... привычен. Мы давно знаем друг друга, давно смирились с недостатками и странностями, давно... договорились эти странности не замечать. Да, не спорю, мы не жили, мы сосуществовали. Он держал за горло меня, я держала его. И чтобы избежать... необдуманных решений, мы оба страховались.

Понимает? Делает вид, что да. Но опять же выходит плохо.

– У Олега кое-что на меня было. И мне не хочется, чтобы это «кое-что» выплыло после его смерти. Это первый мотив не убивать. Второй – фирма обезглавлена. Непременно последует передел власти, и увы, при этом переделе я рискую остаться ни с чем. Достаточно?

Номером третьим Варенька добавила человека-сверчка, который задался выяснить, что же случилось с Олежкой. Пускай. Лишь бы саму Вареньку не трогал. А может подсказать? Направить на след и... над этим вариантом следует хорошенько подумать.

– Значит, ты не стреляла, – уточнила Агнешка.

– Не стреляла.

– А кто стрелял?

Она точно головой ударенная. Какая разница, кто стрелял? Главное, кого за это посадят!

Или убьют. Человек-сверчок не из тех, что с судом возится... определенно, над этой идеей стоит поработать.

– У твоего мужа была любовница?

После этого вопроса Варенька посмотрела на собеседницу с интересом. Сама додумалась? Или Семен раскопал? Нет, если бы раскопал, тогда эта не спрашивала бы.

– Была.

– Из-за нее он хотел развода?

– Хотел, – согласилась Варенька.

– А ты была против.

– Конечно.

Пусть Олег не так и нужен, но отпустить его к этой, слащаво-разукрашенной, невинно-молоденькой, чистой, как стерилизованный шприц, девке Варенька не могла.

И дело не в любви и не в деньгах.

Дело в договоре, который Олег собрался нарушить.

– Как ее зовут? Ты ведь знаешь, правда?

Правда. Только еще не решила, стоит ли говорить. Да-нет, нет-да. Орел-решка. Аверс-реверс. А почему бы нет? Пусть судьба подскажет.

Монетка лежала там, где и всегда, – в специальном отделении кошелька. Серебряный доллар Моргана, привычно тяжелый, приятно холодный. Поистерлись чеканные звезды и насечка на гурте, но ярко блестит венец Леди Свободы на аверсе и крылья белохвостого орла на реверсе. Сожми, и останется на коже отпечаток. Особенно долго держались цифры – 1886.

– Орел? Решка?

– Что?

– Орел, – терпеливо переспросила Варенька, – или решка? Угадаешь, скажу. А на нет, как говорится...

– Орел!

Монета кувыркнулась в воздухе, шлепнулась на ладонь, и Варенька убедилась: действительно, орел. Белохвостый. Американский. Символический до невозможности.

– Кротова Марина Валерьевна, – сказала она, разглядывая монету. Как обычно – тянула время, не желая убирать талисман. – Улица Северная, седьмой дом, двадцатая квартира. Только поспеши.

– Почему?

– По кочану.

Мариночка проснулась очень рано. Ей хотелось мороженого и замуж. Мороженого прямо сейчас, а замуж в принципе. Смутное детское желание и любовь к белоснежному кружеву, в качестве которого выступали свежестираные занавески, постепенно росло и менялось.

Платье на кринолинах. Тугой корсет, расшитый жемчугом. Фата в пять слоев, и чтобы нижний непременно до земли. И шлейф. И длинные перчатки со срезанными пальчиками. И букет из тринадцати роз сорта «Блэк Баккара».

Единственной деталью, которой Мариночкино воображение отказывало в конкретике, был жених. Нет, он, конечно, присутствовал – какая свадьба без жениха, но...

...худосочный Алешка-сосед со слюнявыми поцелуями и требованием немедля бежать в ЗАГС, как только Мариночке стукнет восемнадцать.

...вальжный Тимофей с его привычкой говорить о себе «мы».

...рукастый, но прижимистый Федюня...

Женихи приходили и уходили. Не сбегали, скорее пугались Мариночкиной мечты или, паче того, норовили изуродовать ее под собственное разумение. Их вопросы: что, как, почему, зачем – выводили Мариночку из душевного равновесия, надолго лишали покоя и весьма способствовали развитию депрессий и неврозов.

Неврозов женихи не выдерживали.

Нынешний – Олежечка – оказался другим. Нет, он тоже ворчал, и вздыхал, и закатывал глаза, стоило заговорить о свадьбе, но в мечту не лез, а однажды сказал:

– Погоди немного. Все будет, как хочешь.

Эти слова поразили Мариночку даже сильнее, чем подаренное Олегом колечко: белое золото и топаз в полтора карата.

Она вытянула руку и улыбнулась, когда камни вспыхнули на солнце. Воображение послушно выкинуло знакомую картинку. Костел. Колонны, нефы и белесые статуи в покровах из теней. Запах елеса и дыма. Узкий проход к сияющему золотом алтарю. Алая дорожка, на которой белыми пятнами выделяются лепестки роз. Девочка в нарядном платье щедро разбрасывает их...

Пиликнул телефон, прерывая ход мечты.

– Марина? – спросил кто-то, чей голос был незнаком. – Марина, это друг Олега! С ним случилось несчастье... Марина, вы меня слышите?

– Да.

Сердце замерло: неужели и на этот раз сорвется? Случилось? Да знает Мариночка, что с ним случилось – жена-стервозина отказалась развод дать. Поманила чем-то или пригрозила, вызвала разрыв и...

– Вы можете приехать в больницу? Он очень хочет вас видеть.

Больница? Мариночка не сумела сдержать вздох облегчения. Ну конечно, всего-навсего больница! И если зовет ее туда, значит, намерения серьезные.

Топаз подмигнул желтым зрачком.

– Я вызову вам такси, – жестко сказал собеседник. – Спускайтесь.

Она хотела сказать, что сама вызовет такси, но в трубке уже раздавались гудки. И адреса больницы не спросила... может, таксист знает будет?

Машина стояла у подъезда. Серая иномарка, запыленная от носа до покатога багажника. Водитель ждал тут же, подбрасывая на ладони связку ключей. Увидев Мариночку, любезно открыл дверь и попросил:

– Ремень пристегните, пожалуйста.

Мариночка пристегнула. Ей не сложно. Ей вообще без разницы, ведь Олег в больнице. Господи, все-таки надо было спросить, что случилось. Аппендицит? Авария? Покушение? Он ведь бизнесмен, и жена психованная...

Автомобиль, проскочив аорту центральной улицы, юркнул в переулок, нырнул под аркой и вылетел на набережную. За окнами мелькнуло серое полотно реки с зеленой каймой парка.

– А... простите... – Мариночка тронула водителя. – Вы не знаете...

Сзади кольнуло, словно оса ужалила, а потом вдруг стало больно. И голова кругом.

Водитель притормозил, когда пассажирка стала заваливаться вперед, поправил и буркнул:

– Чего медлил?

Ему не ответили.

К дому любовницы Олега ехали вдвоем. Семен по-прежнему не доверял Агнешке, а она не желала отпускать его одного. У него температура поднялась. И рана выглядела не то чтобы воспаленной, но не очень хорошей. И Агнешка на всякий случай вкатила дозу дуфоциклина.

– Тебе в больницу надо, – повторила она в сотый, наверное, раз. И в сотый же раз Семен отмахнулся. На данный момент его куда больше интересовала Варенька и неизвестная, но, несомненно, причастная к смерти Олега Марина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.